

Памяти УИЛЛА РОДЖЕРСА, выдающегося
политического сатирика былой эпохи,
который чертовски точно заметил:

*«Быть юмористом проще простого —
ведь все правительство работает на нас!»*

ARISTOTLE
and a
AARDVARK
GO TO WASHINGTON

*Understanding Political Doublespeak
Through Philosophy and Jokes*

Thomas Cathcart
&
Daniel Klein

ABRAMS IMAGE, NEW YORK

АРИСТОТЕЛЬ и МУРАВЬЕД ЕДУТ В ВАШИНГТОН

*Понимание политики
через философию и шутки*

Перевод с английского

Томас Каткарт
и
Дэн Клейн

Москва
2016

УДК 165.4:323

ББК 87:66.3

K29

Переводчик Екатерина Милицкая
Редактор Роза Пискотина

Каткарт Т., Клейн Д.

K29 Аристотель и муравьед едут в Вашингтон: Понимание политики через философию и шутки ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2016. — 198 с.

ISBN 978-5-91671-169-1

Как часто, слушая самоуверенные высказывания с экранов телевизоров, из уст политиков или напыщенных комментаторов, мы думаем: «Какая чушь!» Чувствуем подвох, а в чем он, объяснить не можем. Конечно, если речь состоит из сплошной лжи, тут и анализировать нечего. Но ведь бывает бессмыслица, которая звучит весьма правдоподобно. Философы из Гарвардского университета Том Каткарт и Дэн Клейн, а по совместительству юмористы, весело и увлекательно разоблачают демагогические приемы и политическую кухню, то напоминая подзабытые анекдоты, то рассказывая самые свежие казусы публичной жизни. А заодно ненавязчиво знакомят нас со всеми видами логических ошибок, с аристотелевой логикой и другими концепциям гигантов разума от Декарта до Сэма Харриса.

УДК 165.4:323

ББК 87:66.3

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpinabook.ru.

© 2007 Thomas Cathcart and Daniel Klein

Illustration

© as listed on pages 138 and 184 of Proprietor's edition

First published in the English language in 2007

By Abrams Image, an imprint of Harry N. Abrams, Inc

Original English title: Aristotle and an Aardvark go to Washington

(All rights reserved in all countries by Harry N. Abrams, Inc.)

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2012

ISBN 978-5-91671-169-1 (рус.)

ISBN 978-0-8109-9541-3 (англ.)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 7

I	Стратегия словоблудия	17
II	Стратегия «И твоя мама тоже!»	67
III	Стратегия искусного маневрирования	107
IV	Стратегия «Звездного пути»	135
V	Урок для продвинутых	157
VI	Дебаты.....	175

Избранные биографии болтунов и демагогов 183

Примечания 192

Иллюстрации 193

Предметный указатель 195

ВВЕДЕНИЕ

«Чушь собачья!» — эта мысль неизменно приходит нам на ум, а иногда мы даже не стесняемся озвучить ее, когда какой-нибудь политик или надутый ученый муж выступает с речью, дает пресс-конференцию или болтает без остановки на одном из многочисленных воскресных телешоу. Однако часто, как мы ни стараемся, мы не можем сформулировать, что именно заставляет нас квалифицировать этот поток слов как патентованный бред. Мы буквально нутром чуем, что дело нечисто, но не в состоянии объяснить, почему.

Разумеется, временами речи политиков звучат полнейшей бессмыслицей просто потому, что они сплошь состоят из неприкрытой лжи. Выступающий — враль, лицедей, мастер дезинформации. Или, как деликатно выразился бы ученый или специалист в области эпистемологии, утверждения не соответствуют объективным фактам. Однако мы не будем касаться подобных случаев. В конце концов, никто не позволит нам написать книгу такого объема, чтобы в ней можно было перечислить хотя бы самые вопиющие случаи наглой и бессовестной лжи, извергнутой политиками за последние десять

лет (по нашим приблизительным подсчетам, понадобилось бы 72 383 страницы). Да и какой смысл кричать до хрипоты: «Ври-ври, да не завирайся!»?

Нет, нас занимают и интригуют материи более тонкие. Иногда речи политиков составлены столь хитро, что звучат осмысленно, наверное, даже захватывающе, но при ближайшем рассмотрении оказываются все той же чушью. Причем временами оратору достаточно одного маленького шажка, чтобы вляпаться в настоящее дерьмо, как на собственном опыте выяснил сенатор из следующего анекдота.

В ходе очередных выборов в Сенат один из кандидатов решил посетить резервацию, чтобы добиться благосклонности избирателей из числа коренных американцев. Все индейцы собрались в зале местного совета, чтобы послушать политика. К концу его речи собравшихся все больше охватывало возбуждение.

— Обещаю дать коренным американцам больше возможностей для получения образования! — объявил политик.

— Хойя! Хойя! — восторженно отозвались индейцы.

— Обещаю провести реформу игорного бизнеса и разрешить казино в резервации! — воскликнул кандидат, ободренный реакцией аудитории.

— Хойя! Хойя! — скандировала толпа, топая ногами.

— Обещаю всеми силами проводить социальные реформы и обеспечить коренным американцам больше возможностей для получения работы!

— Хойя! Хойя! — вопила толпа в полнейшем неистовстве.

После выступления политик, гуляя по резервации, увидел стадо коров. Сделав вид, что его очень интересует домашний скот, он спросил у вождя, нельзя ли подойти поближе.

— Разумеется, — ответил вождь. — Только идите осторожнее, не вляпайтесь в хойя.

Как отмечал Гарри Франкфурт, пионер спекулятивной копрологии, демагогия куда коварнее откровенной лжи, поскольку ее труднее выявить.

Как и Франкфурт, мы взяли на вооружение основные философские дисциплины: логику, эпистемологию и аристотелеву риторику, а заодно кое-что из психологии — дальней родственницы философии. Эти курсы мы изучали еще в университете, считая их пригодными лишь для болтовни в полутемных залах кафешек, — однако, как оказалось, полученные в то время знания могут стать ключом к пониманию политической демагогии.

Лингвистический анализ

Один из любимейших наших современных философов Джон Стюарт, специалист по лингвистическому анализу из Оксфордского университета и звезда телешоу Comedy Central, однажды сказал: «Вчера президент встретился с теми, кого он называет “коалицией доброй воли”. Весь остальной мир называет их Британией и Испанией».

Правила логики, которые берут начало еще в сочинениях древних греков, объясняют нам, как двигаться от обоснованных утверждений к правильным выводам.

«Отличная речь, разве что в паре пунктов надо
напустить туману»

(Надпись на баннере: «Штаб-квартира избирательной кампании».
Надписи на плакатах: «Голосуйте!»)

Они же демонстрируют, как нас можно ввести в заблуждение с помощью ложных логических выводов, которые специалисты называют формальными ошибками. Эпистемология (или гносеология) объясняет, что мы можем считать познаваемым и почему, в том числе как осмысленно говорить о том, что мы способны узнать. Именно эта отрасль философии породила концептуальный анализ — точную методику, позволяющую анализировать речь и, так сказать, распознавать чушь во всех ее вариациях. Риторика и психология, в свою очередь, помогают нам понять, как нашим сознанием и эмоциями можно манипулировать с помощью хитроумных приемов убеждения.

Краткий оксфордский словарь английского языка определяет ложный вывод как «ошибку в умозаключении, которая делает утверждение бессмысленным».

Логические ошибки можно разделить на формальные и неформальные. В нашей книге приведен ряд формальных ошибок: рассуждений, в которых нарушены основные правила построения умозаключений. Примером ложного вывода может служить так называемое отрицание посылки (или антецедента).

Вот вам иллюстрация:

Все члены Конгресса — граждане США.
Президент Буш — не член Конгресса
Значит, Буш — не гражданин США.

Однако мы не будем использовать этот вывод об отсутствии у президента Буша американского граждан-

ства, чтобы потребовать его импичмента: ведь наше умозаключение явно неправомерно, хотя оба лежащих в его основе утверждения верны. Все дело в том, что рассуждение наше построено в форме отрицания посылки, схематически это можно изложить следующим образом:

Если А [посылка], то В [следствие].

Не А.

Следовательно, не В.

На место А и В мы можем подставить что угодно, и умозаключение всегда будет неверным.

Тем не менее большинство логических ошибок, приведенных в этой книге, относятся к числу неформальных. Это утверждения, ошибочность которых происходит не из нарушения логической формы, а из иных причин, к примеру, использования неподходящей аналогии или апеллирования к эмоциям. Самый любимый из них — *argumentum ad baculum*, или аргумент силы (буквально — палки), который выглядит примерно так:

Мо: Лучшим налоговым кодексом был бы тот, что облагает налогом только лысых!

Ларри: [хлопает Мо по щекам]: няк-няк!¹

Многие из формальных и неформальных ошибок были описаны еще Аристотелем двадцать пять столетий назад. Мешает ли это политикам их использовать? Напротив! Они просто считают их формальными и неформальными... стратегиями.

¹ Мо, Ларри и Кёрли — персонажи американского шоу 1920-х гг. «Три комика», положившего начало целой серии фильмов. Звук «няк-няк» (пук, пук) — «фишка» бритоголового Кёрли. — *Прим. ред.*

Однако не торопитесь захлопывать книжку! Пусть большинство полагает все эти научные дисциплины сухими, как прошлогодняя листва, — не забывайте, мы принадлежим к философской школе хохмологов, которая утверждает, что в любой стоящей изучения философской концепции зарыта какая-нибудь шикарная хохма. Так что, разгребая словесные кучи, мы представим вашему вниманию не только лживые уловки политиков, но, что еще важнее, анекдоты, которые помогут нам разоблачить ложь и с удовлетворением воскликнуть: «Ага, попался!»

Армянское радио

В бытность СССР многие из нас самодовольно тыкали оруэлловским перстом в многочисленные образчики абсурдной лжи, изливавшиеся из уст кремлевских обитателей. Однако времена меняются — и указующий перст теперь можно смело перенаправить в другую сторону. А некоторые анекдоты, которые когда-то шепотом пересказывали друг другу граждане социалистических стран, сегодня звучат для нас откровением.

Мифическое армянское радио в советскую эпоху было настоящей сокровищницей, в которой хранилось великое множество анекдотов, обличавших ложь и демагогию властей. Вот наши любимые:

Армянин спрашивает: Правда ли, что в прошлое воскресенье Акопян выиграл сто тысяч рублей в государственную лотерею?

Чиновник отвечает: Правда. Но не в прошлое воскресенье, а в прошлый понедельник. И не Ако-

пян, а Баграмян. И не в государственную лотерею, а в шашки. И не сто тысяч, а сто рублей. И не выиграл, а проиграл.

А.: Существуют ли вопросы, на которые вы не можете ответить?

Ч.: Мы подходим к работе с точки зрения марксистской диалектики. Поэтому на любой вопрос мы можем дать любой ответ.

Мы многого не знаем о политиках-демагогах. К примеру, мы не имеем представления о том, понимают ли они сами, сколько ошибок допускают в своих речах, которыми в изобилии пичкают нас. Однако, судя по тому, что они без зазрения совести кормят нас откровенной ложью, мы готовы верить в то, что даже тот, кто не силен в красноречии, знает, что он делает.

Наконец, пара слов о принципе подбора цитат и их источников. Мы старались захватить в свои сети не только политиканов, но и их многочисленных прихлебателей — экспертов в области околосвяческих наук, говорящих голов, политологов, журналистов, юристов-крючкотворов. Речи всех этих персонажей, кажется, пишутся под копирку. Что касается принципа отбора цитат, то, выбирая между ложью с неприятными и даже страшными последствиями (к примеру, развязыванием войны) и ложью менее разрушительной, но ярче демонстрирующей сам принцип запудривания мозгов, мы всегда предпочитали последнюю. Мы считаем, что важнее продемонстрировать, как именно политики вводят нас в заблуждение, а не объяснять, к сколь ужасным результатам это может

привести. Увы, эти результаты и так известны нам всем не понаслышке.

Китайская поговорка гласит: «Дайте человеку рыбу — и он будет сыт целый день. Дайте ему удочку — и он не будет голодать до конца жизни».

Мы же предлагаем вам лопату — для того, чтобы разгребать словесное дерьмо. Причем мы честно называем лопату — лопатой.

*«Мои поздравления, Дейв! Столь восхитительно
уклончивых, столь изящно вводящих в заблуждение
публичных заявлений я не слышал за все время работы
в правительстве!»*

I

Стратегия словоблудия

*Как пудрить мозги
с помощью демагогии*

Ошибка техасского снайпера

Любой ловкий политикан, достойный звания Великого Обманщика, отлично знает, как легко нас привести в замешательство, жонглируя словами. Это отвлекает нас от множества недостатков, в том числе — недостатка истины. Один из ловких способов уйти от правды — изменить весь контекст, в рамках которого вообще можно вести речь об истинности того или иного утверждения. Это старый эпистемологический фокус-покус, который нам демонстрируют трое бейсбольных судей, обсуждающих свою профессию:

Первый судья: Я сужу исходя из того, что вижу.

Второй судья: Я сужу исходя из того, что они собой представляют.

Третий судья: Да они вообще ничего собой не представляют, пока я не начну их судить!

Третий судья отлично понимает, что в его власти сделать реальность такой, какой он хочет ее видеть.

Таков и Дик Чейни. Как любой профессиональный демагог, он прекрасно понимает, как следует использовать в своих интересах прием техасского снайпера, или, как говорят специалисты-логики, ошибку техасского снайпера. Вице-президент, или, как его называли бы логики, псевдологик, явно питает слабость к этому приему:

Размышляя о ситуации, я понимаю, что это — бесспорное доказательство того, что в некоторых районах Ирака дела идут весьма неплохо. На днях я разговаривал с приятелем, которому пришлось ехать на машине из Багдада в Басру, и он сказал мне, что по сравнению с ситуацией годичной давности все стало значительно лучше. Это, в общем, подтверждает точку зрения британцев, что они достаточно сделали в Южном Ираке и теперь могут уменьшить численность своего контингента.

— Вице-президент Дик Чейни, комментируя новость о начале вывода британского контингента из Ирака, февраль 2007 г.

Мы считаем это успехом.

— Спикер Национального совета безопасности США Гордон Джондро, комментарий к той же новости, февраль 2007 г.

Скажите, как бы вы выкрутились, если бы вас постигла мучительная, чудовищная неудача? Наверное, сказали бы, что находитесь в состоянии войны, которую долгое время пытались представить всем как конфликт между

«коалицией доброй воли» и «террористической угрозой». Что террористическая угроза все больше и больше напоминает гражданскую войну. Что с самого начала лишь один из членов вашей коалиции, помимо вашей собственной страны, проявил достаточно доброй воли, чтобы прислать значительный воинский контингент. И что теперь этот союзник объявил о выводе своих солдат из зоны конфликта, причем именно в тот момент, когда вы изо всех сил стараетесь убедить свой собственный народ посылать в зону боев еще больше войск. Экий конфуз!

Другое дело, если вы — старый техасский снайпер. В этом случае вам достаточно использовать фокус, с помощью которого вы еще в детстве убеждали своих малолетних приятелей в собственной меткости, — то есть, продырявив выстрелами дверь амбара, нарисовать мишень вокруг дырок и с гордостью заявить: «Видали, парни? Каждый выстрел — в десятку!» Вы заявляете, что полученный результат — именно тот, к которому вы стремились все это время. Фокус-покус! И вот уже поражение превращается в победу.

Это как если бы (возьмем первый попавшийся пример ошибки техасского снайпера), будучи в гостях у Гарри Уиттингтона на его ранчо «Армстронг» в южном Техасе и всадив ему в лицо, шею и грудь заряд утиной дробы, Дик Чейни заявил: «Это подтверждает наш международный курс, нацеленный на нанесение упреждающих ударов. На ваши вопросы я отвечу позднее».

Что же касается оптимистично настроенного Гордона Джондро, он пошел еще дальше, заявив: «Ситуация в Басре значительно улучшилась, и теперь часть контро-

лирующих функций стало возможным передать иракцам... Соединенные Штаты разделяют эту цель, стремятся постепенно перекладывать ответственность на силы иракской безопасности и уменьшать численность американского контингента в Ираке».

Ну ладно, отдадим дьяволу должное. Большинство комментаторов сходятся на том, что ситуация в Басре действительно улучшилась настолько, что вывод оттуда войск имеет смысл. Однако не должен ли добровольный член коалиции предложить, чтобы эти войска выводились в тот район, где дела идут не столь благополучно? К примеру, в Багдад или Анбар, куда Главный Доброволец собирался послать еще 21 500 американских солдат?

Нет?

В яблочко!

Ignoratio elenchi (Подмена тезиса)

Один из знатных специалистов по части политической демагогии — бывший министр обороны Дональд Рамсфелд. Он имел обыкновение не только обвинять прессу в том, что она упускает главное (точнее, то, что он считает главным), но и откровенно рассчитывал на то, что именно журналисты (а заодно и все остальные) не разглядят сути вещей, чтобы он мог победить в споре. Вот классический пример жанра:

Днем в среду (после событий 11 сентября) министр обороны Рамсфелд говорил о необходимости увеличить число целей для ответного удара (по «Аль-

Каиде») и «заняться Ираком». Госсекретарь Пауэлл резко ответил ему, призвав вернуться к проблеме «Аль-Каиды»... (но) **Рамсфелд с сожалением заявил, что в Афганистане отсутствуют сколь-нибудь значительные цели, и что, по его мнению, мы должны начать бомбить Ирак, поскольку там есть более подходящие цели**¹.

— Ричард Кларк. «Против всех врагов: записки участника американской войны против террора».

Более подходящие цели? Кларк не мог поверить своим ушам:

«Я, кажется, что-то упустил, — обратился я (к Колину Пауэллу). — По нам ударила “Аль-Каида”, и если мы начнем в ответ бомбить Ирак, это будет, как если бы в ответ на нападение японцев на Пёрл-Харбор мы пошли войной на Мексику».

Здесь Рамсфелд использует старинный способ контраргументации, известный как *ignoratio elenchi*, или «подмена тезиса» (в данном случае было бы уместнее говорить об «игнорировании сути»). На вечеринках и в спальне мы в таких случаях говорим: «Ты ничего не понял». Или: «Ты меняешь тему». Суть *ignoratio elenchi* в том, чтобы выдвинуть вполне разумный довод («военные предпочитают бить по более досягаемым целям»), но использовать его для того, чтобы прийти к абсолютно не связанному с ним выводу («поэтому давайте ударим по стране, которая совершенно ни при чем, но в которой есть более досягаемые цели»). Ту же тактику использует обвинитель, выступающий на процессе по делу об убийстве и с жаром рассказывающий о том, что за кроважид-

¹ Все выделения в тексте — авторские.

ное чудовище обвиняемый, что, в общем-то, не имеет отношения к вине или невиновности подсудимого.

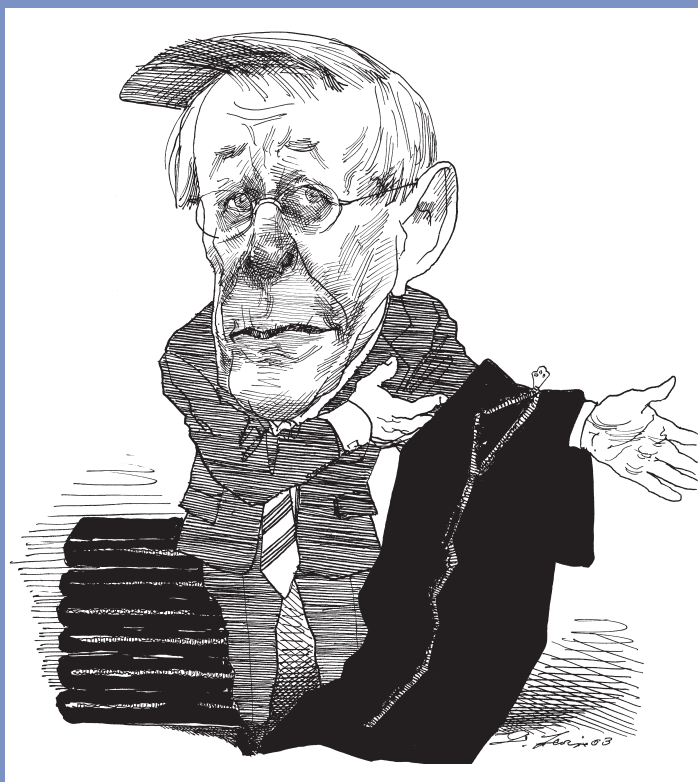
Выступая в программе *60 Minutes* (60 минут), Кларк признался, что поначалу принял слова Рамсфелда за шутку. Вполне логично, если учесть, что существует общеизвестный анекдот, высмеивающий ошибку *ignoratio elenchi*:

Прогуливаясь вечерком, юноша видит своего приятеля, Джо, ползающего на четвереньках под фонарем.

- Что ты тут ищешь, Джо? — спрашивает он.
- Я уронил ключи от машины, — отвечает Джо.
- Здесь?
- Нет, вон в тех кустах. Но здесь-то светлее!

Типичный пример феномена «ищем там, где светлее» — ежедневные репортажи СМИ с фондовой биржи. Они призваны оценивать состояние экономики в каждый конкретный день, однако любой экономист вам скажет, что в них отражается лишь часть общей экономической картины. Никто, например, не рапортует нам, сколько американцев ежедневно теряют работу или оказываются ниже черты бедности. Причем никаких политических причин скрывать эту информацию не существует: просто эти цифры недоступны в ежедневном режиме, и измерить соответствующие показатели куда сложнее. Значительно проще читать циферки на громадном табло Нью-Йоркской фондовой биржи. Там ведь гораздо светлее!

А вы бы купили у него костюмчик?

Argumentum ad odium (Апелляция к ненависти)

Ни мистер Рамсфелд, ни его коллеги отнюдь не идиоты. Так почему же он счел возможным обратиться к ним со столь жалкой аргументацией? Быть может, он рассчитывал, что для этого правительства Ирак был словом ругательным, а ругательства способны замаскировать логические пробелы. Эта стратегия демагогов известна как «апелляция к ненависти», или *argumentum ad odium*. Проще говоря, здесь демагог пытается победить в споре, используя накопившуюся горечь и ненависть. После трагических событий 11 сентября в этих чувствах, разумеется, не было недостатка. Гнев и озлобленность буквально висели в воздухе.

Вероятно, в 1941 году Рамсфелд не стал бы призывать к наступлению на Мехико, хотя, как правильно заметил Кларк, с точки зрения логики эти ситуации идентичны. Однако Мехико недоставало одного фактора: ненависти. Американцы не испытывали никакой враждебности к мексиканцам. Ирак — совсем другое дело: США уже воевали с этой страной несколькими годами ранее и ненавидели ее всеми фибрами души. Тот факт, что Рамсфелд счел возможным использовать, казалось бы, нелепый аргумент, а многие из его коллег были готовы его поддержать, отлично демонстрирует всю глубину этой ненависти.

Argumentum ad ignorantiam (Аргумент к незнанию)

Стоило нам подумать, что старине Рамсфелду не слишком удаются двусмысленности (судя по приведенной ци-

тате), как он превзошел самого себя, выдав даже не дву-, а трехсмысленность:

*Отсутствие доказательств не является
доказательством отсутствия...*

...

*Если у вас нет доказательств существования
чего-либо, это не означает, что у вас есть
доказательства того, что этого не существует.*

— Министр обороны Дональд Рамсфелд об оружии
массового поражения в Ираке

Вот такой риторический эквивалент тройного лутца выдал Дональд Рамсфелд. Делая вид, что наставляет нас по поводу ошибок одного рода, он вплетает в свои рассуждения куда более хитрый софизм. Браво, Дон!

Однако для начала давайте рассмотрим ошибку, на которую обрушивается Рамсфелд. Она называется «аргументом к незнанию» (*argumentum ad ignorantiam*) и означает следующее: незнание того, что утверждение правдиво, принимается за доказательство его ложности. Рамсфелд говорит: те, кто полагает, будто в Ираке нет оружия массового поражения, опираясь лишь на то, что оно не было найдено, совершают ужасную логическую ошибку. Такого же рода заблуждения были свойственны невежественным людям Средневековья, утверждавшим: «Никто не доказал, что Земля крутится вокруг Солнца, значит, ничего подобного не происходит». Хотя на самом деле одно вовсе не обязательно следует из другого, и министр обороны здесь совершенно прав.

Сенатор Джозеф Маккарти был крупным специалистом по части использования *argumentum ad ignorantiam*. Утверждая, что некий правительственный чиновник — коммунист, он заявил: «У меня не слишком много данных по этому поводу, однако ЦРУ утверждает, что в его деле нет никаких доказательств отсутствия у него связей с коммунистами». Вот так!

Но Рамсфелд прав лишь до некоторой степени. В определенный момент отсутствие доказательств действительно превращается в доказательство отсутствия. У Коперника были железные аргументы, объясняющие, что Земля вращается вокруг Солнца, просто они не были доступны пониманию толпы. Вот если бы у него не оказалось вообще никаких доводов, тогда мы могли бы считать, что его теория неверна.

Когда отсутствие доказательств становится доказательством

Два археолога — грек и египтянин — заспорили, чья цивилизация в древности была более развитой.

— Во время раскопок в Коринфе, в развалинах древнего поселения мы нашли в земле медную проволоку, — заявил грек. — Это доказывает, что в шестом веке до нашей эры у нас уже была телефонная связь!

— А мы во время раскопок в Гизе отыскиали развалины древнего поселения — и никаких проводов, — ответил египтянин. — Значит, в то время у нас уже существовала беспроводная связь!

Вот почему большинство из нас не верит в гремлинов, русалок и фей: ведь никто и никогда не обнаружил никаких доказательств их существования. Возможно, рассуждая о гремлинах, мистер Рамсфелд тоже мог бы сказать: «Постойте, отсутствие доказательств — это еще не доказательство отсутствия!» Но мы, со своей стороны, хотели бы дать ему совет: «Господин министр, не стоит заходить так далеко».

Сэм Харрис, современный философ, один из так называемых «новых атеистов», выдвигает подобные же доводы против агностицизма:

[Агностики утверждают, что] на сегодняшний день доказать отсутствие бога невозможно, что наука не в состоянии опровергнуть существование высшего существа. И это совершенно верно... [Но], как говорит мой коллега, специалист в области физической химии Питер Аткинс, мы должны относиться с позиций агностицизма и к теории, утверждающей, что вокруг Плутона по орбите летает чайник. Мы не можем этого опровергнуть. Однако это не значит, что теория, предполагающая существование чайника, равноценна теории, утверждающей, что его там нет.

Итак, единственный разумный вопрос: каковы доказательства существования у Ирака оружия массового

поражения? Поскольку за довольно долгое время нам не удалось получить этому ни единого свидетельства, мы можем утверждать, что его нет, не впадая при этом в ошибку *argumentum ad ignorantiam*: ведь если бы оно существовало, наверное, теперь бы оно обнаружилось.

*Маленькие слабости мистера Рами
Его любимая детская песенка*

Вчера я гулял по знакомым местам
И встретил того, кого не было там.
Сегодня он снова туда не явился.
О, как я хочу, чтобы он удалился!

Хью Мирнз

Ошибка ложной дилеммы

Возможно, вы удивляетесь: как мы могли не упомянуть Джорджа Уокера Буша? Для этого у нас была философская причина. Мы можем вскрыть логические противоречия в суждении, если в нем содержатся ошибки аргументации, ведущие к неверным выводам. Однако суждения, в которых нет вовсе никакого смысла, которые представляют собой случайный набор слов, как будто их печатала обезьяна, дождавшаяся до компьютера, не поддаются сколь-нибудь убедительному логическому анализу. Единственное, что философ сможет сказать, услышав подобное, — это «чего-чего?»

К счастью, временами Джордж Буш худо-бедно все же изрекает осмысленные фразы, и пусть вложенный в них смысл тоже не слишком радует, но их можно хотя бы

«О господи, так это был мираж!»
(Надпись на ящике: «Оружие массового поражения»)

проанализировать и обнаружить логические погрешности. Вот одна из подобных счастливых случайностей — яркий пример допущенной президентом Бушем ошибки ложной дилеммы:

Каждый народ, в каждом уголке планеты сегодня должен сделать выбор. Либо вы с нами, либо вы с террористами.

— Президент Буш в телевизионном обращении к участникам объединенного заседания палат Конгресса 20 сентября 2001 г.

С точки зрения логики в этом утверждении явно содержится ошибка ложной дилеммы. Либо с нами, либо с террористами — это не единственные возможные варианты. Можно ведь не примыкать ни к одной из сторон (иногда это называется нейтралитетом).

Использование фальшивой дилеммы — излюбленный трюк многих политиканов, помогающий им мутить воду, обставляя дело к собственной выгоде. Вот вам пара примеров:

Вы согласитесь с переизбранием правящей партии или поддержите следующую атаку на Нью-Йорк? Делайте выбор — третьего не дано.

Или:

Вы с нами — или с нефтяной монополией?

Добросовестный оратор всегда старается отразить в речи все варианты развития событий, которые могут повлиять на исход дела. К примеру, мастер публичных выступлений Дональд Рамсфелд, как известно, заявил

однажды: «Мы совершенно точно знаем, что он [Усама бен Ладен] находится либо в Афганистане, либо в какой-то другой стране, либо мертв». Эта его формулировка всеобъемлюща до абсурда: в ней он сумел не сообщить нам никакой новой информации. Хотя, вполне возможно, он просто мутит воду с какими-то своими целями. Правда, одну возможность он все-таки не упомянул, забыв предположить, что Усама бен Ладен вообще никогда не существовал.

Впрочем, если мы рассмотрим еще один, весьма часто встречающийся пример ошибки ложной дилеммы, мы поймем, как использование этой очевидно ошибочной формулы безошибочно приводит к нужному результату:

Ты будешь стричь газон или так и будешь сидеть тут весь день?

— Мама сыну

Мама в этом сценарии, очевидно, понимает, что, помимо предложенных ею, существует масса других возможностей. Однако разумный сын вряд ли станет отвечать ей: «Ну уж, мам, а если я посижу утром здесь, днем поваляюсь от души, а затем отправлюсь в кино». Сын понимает, что мать использует фальшивую дилемму, однако смысл ее высказывания ему отлично понятен. На самом деле она хочет сказать: «Я не буду рассматривать никаких других вариантов, помимо единственного: ты сейчас же встанешь и отправишься стричь газон. Для меня все прочие возможности ничем не лучше, чем если бы ты просидел здесь весь день. Почему это не ложная дилемма, сынок? Потому что *я так сказала!*»

Буш выступил в лучших традициях такой вот мамочки. На самом деле он имел в виду: «Предупреждаю: либо вы присоединитесь к нам, либо мы, США, будем относиться к вам так, как если бы вы встали на сторону террористов». При этом, разумеется, заявление «если вы не с нами — то вы с ними» звучит куда более угрожающе. К счастью или к несчастью, международное сообщество предпочло не заметить логической нестыковки в словах Буша.

Еще один малоизвестный — совершенно не относящийся к теме — пример ложной альтернативы иллюстрирует старый, всем известный анекдот:

Двое нищих сидят в нескольких метрах друг от друга на шумной улице, пролегающей через район, жители которого известны своим антисемитизмом. У одного на шее табличка: «Подайте инвалиду войны!» У другого — на такой же табличке написано: «Подайте старому бедному еврею!»

Целый день мимо них течет поток людей. Чтобы досадить еврею, даже те, кто обычно не подает нищим, кидают в кепку инвалида приличные суммы. Наконец, какой-то добрый человек, проходя мимо них, бросает по монете в обе кепки и обращается к еврею:

— Слушай, может, тебе сменить табличку? Мне неприятно говорить об этом, но здешние жители не очень-то жалуют евреев. С такой надписью ты здесь не получишь ни пенни.

Когда добросердечный прохожий удаляется, старый еврей поворачивается ко второму нищему:

— Ты только посмотри на него, Мойша! Этот поц вздумал учить нас коммерции!

Обтекаемые выражения

Часто наиболее искусный обман — тот, который прямо-таки бросается в глаза. Истинные мастера используют обтекаемые выражения, заменяют точные формулировки более невнятными и неоднозначными, продельвая это прямо перед вашим носом. Если все будет сработано ловко, вы даже не поймете, как вас обвели вокруг пальца. Вот, к примеру, образчик увиливания от одного правительственного чиновника, рассуждающего о предотвращении предательских террористических атак:

Корреспондент CNN: Вернемся к сентябрю 2001 года. Тогда президент обещал, что мы схватим его (Усаму бен Ладена), живого или мертвого. Но он до сих пор не пойман. Я знаю, вы скажете, что в войне против террора мы достигли значительных успехов, и это действительно так. Но это — провал.

*Советник по национальной безопасности
Фрэнсис Фрэгос Таунсенд: Я бы сказал, что это успех, который ждет нас в будущем. Я бы не сказал, что считаю это провалом.*

Спасибо за подсказку, мистер Таунсенд! Вы открыли для нас целый мир возможностей по части выхода из неприятных ситуаций. Например: «Нет, господин полицейский, я не пьян! То, что вы видите, — это трезвость, которая пока еще ко мне не вернулась». Или: «Не надо говорить, что я еду без прав! На самом деле я езжу с правами, просто я их еще не получил». Или: «Милая, не говори, что я потерял работу! Я считаю, что это — повышение, которое меня еще только ожидает!»

В английском языке такие туманные выражения именуют «кунными речами», поскольку этот маленький пушной зверек способен высасывать птичьи яйца, оставляя скорлупу неповрежденной. Обтекаемые фразы — особый вид уклончивости, используемый для того, чтобы нейтрализовать утверждение или уйти от ответственности. Мы не выводим войска — мы их передислоцируем. Мы не занимаемся эскалацией военных действий — это лишь всплеск активности. Или, как в приведенном примере, мы не терпим неудачу, а предвкушаем успех. Советник по национальной безопасности достигает совершенства в двусмысленности своих заявлений, подменив слово фактически противоположным по значению. Подобному трюку позавидовал бы лучший в мире специалист по высасыванию яиц; нечто подобное предчувствовал Джордж Оруэлл, когда придумал термин «новояз».

Называя реплику мистера Таунсенда «уклончивой», мы великодушно признаем, что некоторая, пусть минимальная, доля истины в ней есть. Она до смешного обманчива, но это все-таки не полное вранье. Но где та грань, за которой уклончивость теряет связь с реальностью и становится откровенной ложью?

Это как с тем парнем, который, гуляя по Мэйн-стрит, видит прохожего и кидается к нему с восклицанием:

— Раппопорт! Что с тобой произошло? Раньше ты был маленьким и толстым, а теперь стал высоким и поджарым! Ты всегда так хорошо одевался, а сейчас ходишь в каком-то грязном старье! Да и лысина твоя исчезла, теперь у тебя вон какая шевелюра!

— Простите, но я не Раппопорт! — говорит прохожий.

— Так ты еще и имя сменил!

Но вернемся к нашей теме. Только ли в уклончивости виновен мистер Таунсенд, или же он применил прием описанной выше апелляции к незнанию? В последнем случае некое суждение преподносят нам как истинное лишь потому, что его ложность пока не доказана. Никто не доказал, что Усаму никогда не поймают, так что, если верить Таунсенду, мы можем считать, что однажды это произойдет. Да, это победа!

«Что, мистер Т., опять?»

Только не надо думать, что мы насмехаемся над подобной логикой! Мы от нее просто в восторге — но не сейчас.

Фрэнк Лунц, консультант Республиканской партии, написал целую книгу об уклончивой речи под названием «Слова, которые работают». Он советует политикам говорить так:

<i>Электронный перехват</i>	а не	<i>тайное прослушивание</i>
<i>Изыскания в области энергетики</i>	а не	<i>бурение скважин</i>
<i>Упрощение налоговой системы</i>	а не	<i>налоговая реформа</i>
<i>Налоговые льготы</i>	а не	<i>снижение налогов</i>
<i>Стипендия</i>	а не	<i>образовательный ваучер</i>

Демократы тоже не бездействуют. Лингвист-либерал Джордж Лакофф, раздраженный тем, что его партия постоянно проигрывает хитрым консерваторам,

удумавшим именовать «налог на наследство» «налогом на недвижимость», попытался изобрести ответную, еще более уклончивую фразочку. Почему бы не называть политически предвзятых судей «судьями свободы»? Отличный ход, Джордж, но консерваторы все равно вне конкуренции. Нетрудно понять, почему политики готовы отваливать кучу денег за подобные рекомендации. Мы, со своей стороны, готовы предложить им несколько советов бесплатно.

Никогда не говорите:

«Моя мать убила человека топором».

«Я провел семь лет в военной тюрьме и три месяца — в реабилитационном центре для алкоголиков».

«Я начинал карьеру барменом в клубе для джентльменов».

Вместо этого говорите:

«Моя мать была специалистом по режущим предметам».

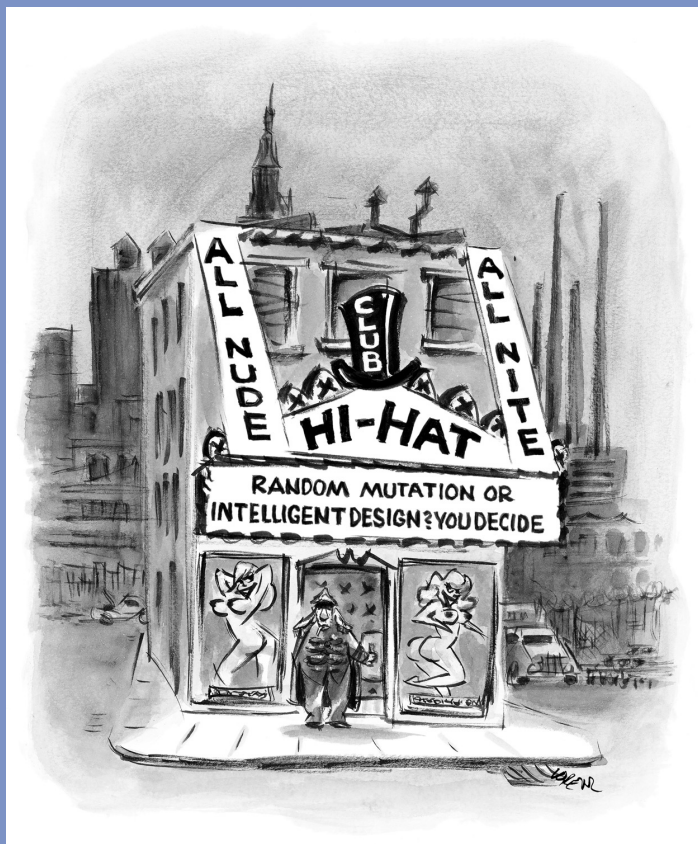
«Я получил образование в самых уважаемых в стране заведениях».

«Я всегда стремился служить людям».

Стивен Пул недавно определил туманные слова как «непроизносимое», именно так озаглавив и свою книгу. Непроизносимое касается в том числе тактики переименования политических позиций с целью замаскировать их истинные значения. Вот несколько практических примеров непроизносимого:

«Давайте заменим “на краю пропасти”
на “все великолепно”»

Надпись на здании: «Клуб Hi-Hat. Стриптиз всю ночь».

Табличка у входа:

«Случайная мутация или остроумный дизайн? Решайте сами!»

Я надеюсь, каждая женщина в нашей стране, согласна она с Роу или нет, принимает она одно решение или другое, может с уверенностью сказать: право на свободу выбора означает, что государство уважает личность, а разве не это главное?

— Барбара Боксер, сенатор США

Мы собираем письменные свидетельства женщин, пострадавших от аборта, женщин, убежденных, что истинные феминистки отстаивают право на жизнь, и от профессионалов, считающих, что Роу подрывает нравственные устои профессий медика и юриста

— Норма Маккорви, под псевдонимом Джейн Роу выигравшая судебное разбирательство «Роу против Уэйда»¹ и добившаяся права на аборт, но впоследствии ставшая убежденной феминисткой и участницей движения за запрет абортов

Кто-нибудь из вас помнит, когда *право на жизнь* называли *запретом на аборт*? И когда, интересно, право *выбора* приравнивали к праву *на аборт* или, точнее, к *праву на аборт по требованию*?

Наверняка еще в старые добрые времена, до того, как любители усовершенствовать термины всерьез взялись за английский язык и изменили названия позиций и идей, чтобы запрятать поглубже их суть, заодно нагрузив дополнительными смыслами. В 1970-е годы борцы против

¹ Знаменитый судебный процесс 1973 г., в рамках которого Верховный суд США принял решение о том, что человеческим существом считается плод, способный к самостоятельному существованию вне материнской матки, т.е. при сроке беременности от 28 недель, и что, соответственно, при более ранних сроках беременности женщина вправе самостоятельно принимать решение об аборте. — *Прим. пер.*

абортов подняли на щит лозунг «Право на жизнь», а позднее стали называть себя «борцами за жизнь». Идея этого переименования в том, чтобы заклеить оппонентов как «борцов против жизни», или, того лучше, как «воинов смерти». Таким образом, выбор между «борцами за жизнь» и «воинами смерти» стал напоминать вопрос: «Кем ты хочешь быть, Люком Скайуокером или Дартом Вейдером?»

Защитникам права женщины на аборт, разумеется, также понадобилось новое имя, и поскорее. И они быстро стали «борцами за свободу выбора». В их новом наименовании, разумеется, также скрыта не называемая вслух фундаментальная для Америки ценность — свобода выбора. Быть против свободы выбора — это значит быть против Америки, ведь у нас, в конце концов, свободная страна... и все такое прочее. (К большому сожалению «борцов за свободу выбора», их самоназвание изрядно отдаёт потребительством, как будто вопрос, прерывать или не прерывать беременность, сродни решению о том, покупать или не покупать новый телевизор.)

Большое преимущество скрытых аргументов заключается в том, что их редко оспаривают. Скажем, все ли «борцы за жизнь» — пацифисты? Все ли они — противники смертной казни? Ни в коем случае. Так насколько последовательна их позиция? Вообще-то, она ограничивается лишь зародышами. Но такое признание делает их обычными противниками абортов.

Да и все ли «борцы за свободу выбора» ратуют за ничем не ограниченные свободы: например, свободу осуждать заболоченные территории или владеть штурмовым оружием? Нет.

Тем не менее неологизмы прижились и стали общепринятыми терминами, вполне подходящими для разглагольствований телекомментаторов, участников политических дебатов и развеселых компаний, любящих почесать языки в Starbucks. И вот уже люди привычно переругиваются, бросая друг в друга эти новые выражения, прочно завоевавшие место в языке.

Стивен Пул приводит в своей книге длинный список неописуемо коварных примеров непроизносимого:

- *разумный замысел* вместо *креационизма* (как будто «разумный творец» звучит менее религиозно, чем «Создатель»)
- *нарастание* вместо *эскалации* (это не только звучит менее зловеще, но и имеет некий едва уловимый сексуальный подтекст)
- *убедительные научные данные* вместо... ну да, *научных данных* (за создание этого перла ответственные ребята из компании Philip Morris. Здесь содержится тонкий намек на то, что наука бывает разной, в том числе и неубедительной — ну, вы знаете, такой, которая утверждает, что существует связь между курением и раком).

И, наконец, один из наших любимых: *предотвращение обмана избирателей* вместо *лишения права голоса представителей беднейших слоев и меньшинств*.

Искусство уклончивых ответов

Как правило, к политической карьере готовятся на юридических факультетах и в школах права. Правда, есть

и исключения вроде Тома Дилэя¹, который учился в школе по борьбе с вредителями. В юридических академиях подающих надежды демагогов учат со скрупулезной точностью из слов составлять фразы. Однако, как ни странно, чем точнее сконструированные ими фразы, тем они более уклончивы и курьезны.

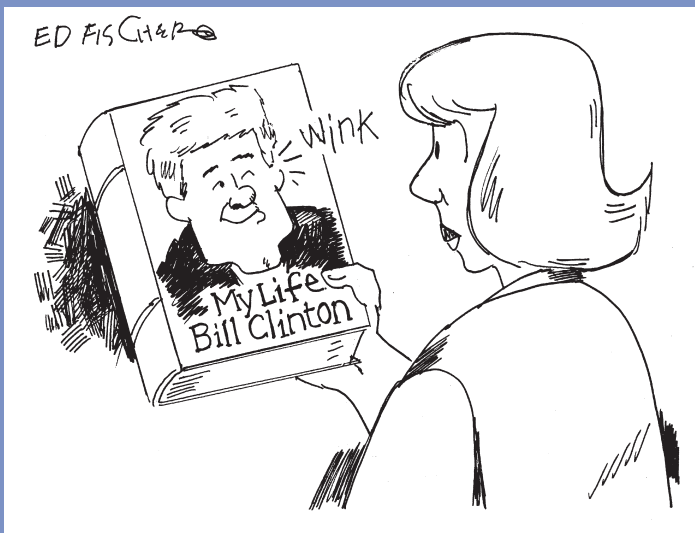
Бессмысленно лишний раз упоминать о том, что экс-президент Уильям Джефферсон Клинтон был блестящим студентом факультета права в Йеле, хотя и не столь выдающимся, как его однокурсница Хиллари Родэм.

Все зависит от того, что понимать под словом «ничего».

— Президент Билл Клинтон, объясняя суду присяжных, что он не обманывал своих доверенных помощников, сказав о своих отношениях с Моникой Левински: «Между нами ничего нет»

Для начала стоит сказать, что, сколь бы игриво ни звучала фраза Клинтона, грамматически она вполне корректна. Действительно, обманывал он своих сотрудников или нет, зависит от того, употребил ли он фразу «Между нами ничего нет», подразумевая именно тот момент или некий период времени. Мистер Клинтон утверждает, что сказал «Между нами ничего нет», имея в виду, что в тот конкретный момент у них с мисс Левински не было романтических отношений.

¹ Бывший лидер республиканцев в нижней палате Конгресса США, снятый со своего поста из-за обвинений в отмывании денег. До того как начать политическую карьеру, работал в компании, производящей пестициды, за что позднее получил прозвище «Экстерминатор» (Exterminator). — Прим. пер.

Надпись на книге: «Билл Клинтон. Моя жизнь»

Двусмысленная шутка

«В дверь моего номера в отеле всю ночь колотилась молодая красotka! В конце концов все-таки пришлось ее выпустить».

— Дигби, дядя Дэна¹

Потому и уловка Клинтона кажется нам смешной: она напоминает те хитрости, которые используют дети в попытках навешать лапшу на уши родителям, не прибегая при этом к откровенной лжи. «Ты сегодня хоть немного занималась физикой?» — «Конечно, мам!» Что в переводе означает: «Когда я танцевала у себя в комнате под новый клип Бейонсе, я просмотрела задание и поняла, что там ерунда какая-то». Или, чтобы быть ближе к нашей теме, возьмем студентку-второкурсницу, которая убеждает родителей, что не спит со своим бойфрендом (эвфемизмы вроде «спать с кем-то» — просто золотая жила для любителей словесных уловок).

И Билл, и подростки будут упорно утверждать, что они не лгут, а лишь уклоняются от прямых ответов. Они подменяют одно значение слова «ничего» (или «конечно», или «спать») другим, надеясь, что мы интерпретируем их слова правильным для них образом.

Джордж Бернс и Грейси Аллен построили на таких вот увертках целую телевизионную репризу:

¹ Персонажи телесериала «Дом собаки» (Dog's House). — *Прим. пер.*

Джордж: Откуда у тебя эти цветы?

Грейси: Я ходила в госпиталь навестить Мейбл.

Джордж: И что из этого?

Грейси: Ну ты же велел мне купить ей цветы!

Джордж: Скажи мне «Спокойной ночи!», Грейси!

Грейси: Спокойной ночи, Грейси!

Скажи «спокойной ночи», Билл!

Слабая аналогия

Когда другие стратегии демагогии не проходят, истинные мастера политического мошенничества вытаскивают на свет божий старый добрый аргумент по аналогии, который выглядит примерно так: «Гм, X — это напоминает мне весьма поучительную историю об Y, на удивление похожую, так что она доказывает мою правоту насчет X».

Разумеется, X совсем не то, что Y, поэтому история оказывается совсем не поучительной. Специалисты-логики называют это аргументацией, исходящей из слабой аналогии.

Этот законопроект напоминает идею билля о запрещении автомобилей [поскольку они тоже убивают людей].

— Бывший член палаты представителей (и бывший владелец бизнеса по уничтожению вредителей) Том Дилэй, выступая против выдвинутого Конгрессом законопроекта, запрещающего использование канцерогенного хлордана для уничтожения термитов

Подумайте, «Аль-Каида» может протащить в эту страну ядерный заряд, спрятать его и убить 100 000 человек. Ну, ладно, мы можем восстановиться

после такого удара. А вот учительские профсоюзы в нашей стране способны уничтожить целое поколение!

— Комментатор-либертарианец Нил Бурц, критикуя учительские профсоюзы в интервью программе *Hannity & Colmes* телеканала Fox News

Представьте себе, что идет последняя четверть футбольного матча, вы — куортербек, и ваша команда к последней четверти матча уверенно вышла вперед. Противник в отчаянии и изо всех сил пытается переиграть вас, но у него ничего не выходит. Уже второй день они никак не могут вас достать, а вам предстоит выдержать их последние атаки. И вам остается лишь набраться терпения.

— Сенатор Чак Грейсли, в ходе слушаний по вопросу о назначении Сэмюэля Алита членом Верховного суда США

Итак, смысл всего сказанного заключается в том, что слабая аналогия подобна конгрессмену, гуляющему во время грозы. Не спрашивайте, о чем это мы, — эта аналогия вам все равно ничем не поможет. Что мы, собственно, и пытаемся до вас донести.

Несколько лет назад мы начали собирать коллекцию красочных сравнений (разновидность аналогии), в которых нет никакого смысла, но зато они забавны. Вот несколько последних перлов:

- Ее художественное чутье было тонким, как у человека, способного отличить натуральное сливочное масло от самого лучшего заменителя.

- Она вошла в мой офис, как сороконожка, у которой не хватало тридцати восьми ног.
 - Она питалась его соками, словно колония микробов на говядине комнатной температуры.
 - Фонарь стоял, словно неодушевленный объект.
-

Аналогия подразумевает, что если предметы схожи по некоторым свойствам, то они схожи и во всем остальном. Но прежде, чем говорить о разнице между сильной и слабой аналогиями, следует осознать, что ни одна аналогия не совершенна по определению. Если бы идеальная аналогия существовала, это была бы уже не аналогия, а идентичность, то есть сравниваемые явления были бы схожи не по каким-то отдельным параметрам, а целиком и полностью. Так что любая аналогия в чем-то хромает, то есть несовершенна. Однако некоторые из них оказываются существенно слабее других.

Самые слабые аналогии страдают обычно одним из двух недостатков:

1. Подразумеваемые *главные черты сходства* между двумя явлениями на самом деле несущественны.
2. Предполагаемого сходства по другим признакам просто не следует.

Между любыми двумя объектами, как бы различны они ни были, всегда можно найти хотя бы некоторое сходство. Например, Льюис Кэрролл как-то загадал своим

читателям следующую абсурдную загадку: «Чем ворон похож на письменный стол?» Смысл ее был в том, что на самом-то деле никакого сходства не существует. Однако, к великому удивлению Кэрролла, один из читателей прислал остроумный ответ: «И о том, и о другом писал По!»ⁱ

Вернемся к аналогии между канцерогенностью некоего пестицида для борьбы с термитами и смертельной опасностью автомобилей на наших улицах. Дилэй совершенно правильно утверждает: они схожи в том, что потенциально представляют собой смертельную опасность для людей. Однако он явно упустил статистическую вероятность смерти от одной из двух причин. Нам кажется, что дом, опрысканный хлорданом, куда более опасен, чем поток машин на улице. Кроме того, Дилэй забыл проанализировать соотношение эффективности и побочных эффектов. Здесь мы снова можем лишь догадываться, однако, по нашему мнению, если мы останемся без хлордана — пусть даже с термитами — это нанесет обществу куда меньший вред, чем если нам придется отказать от машин. Это важнейшие различия, которые, однако, упущены в аналогии Дилэя, — несомненно, потому что не работают на его идею. Плохо, Том!

Что касается мистера Бурца, он явно хочет подвести нас к мысли, что, поскольку учительские профсоюзы способны нанести куда более серьезный урон, чем террористы с ядерным оружием, нам следует бороться с первыми еще более яростно, чем со вторыми. Этот вывод в определенных условиях имел бы право на жизнь: будь

ДЛЯ ОДНИХ — СЛАБАЯ АНАЛОГИЯ,
ДЛЯ ДРУГИХ — ИДЕАЛ

*«Мне неважно, что она — держатель для скотча.
Я все равно люблю ее!»*

исходная посылка истинной, мы, вероятно, просто обаяны были бы запретить профсоюзы учителей. Однако на деле заявленное сходство весьма сомнительно.

Что же общего между слабыми аналогиями Дилэя и Бурца? Обе они слишком явно вызывают к эмоциям. Дилэй пытается эксплуатировать наш страх перед тем, что, если сейчас запретить хлордан из-за губительного воздействия на здоровье людей, то в следующий раз, возможно, кто-нибудь запретит буйные пляски под рок-музыку, а затем нам — кто знает? — и вовсе не позволят вставать по утрам с постели: известно ведь, что, поднявшись утром, вы куда больше рискуете угодить под шальную пулю, чем если проваляетесь под одеялом весь день. В таком контексте запрет автомобилей вовсе не выглядит чем-то невероятным, ведь правда? И вот у вас уже есть все причины бояться ужесточения государственного контроля или, как выражаются либертарианцы, «государствянянки».

Эмоциональный призыв Бурца еще проще: вы боитесь террористов? Тогда вы должны еще сильнее бояться учительских профсоюзов!

Что касается аналогии сенатора Грейсли, касающейся назначения нового члена Верховного суда, и его футбольных фантазий, мы можем лишь догадываться, о чем он хотел нам сказать: мы заснули еще в третьем периоде.

Аргумент скользкой дорожки

Сегодня сокрушенные стенания об опасности «ступить на скользкий путь» в большой моде среди политиков, премудрых экспертов, матерей и владельцев ресторанов.

Это классический аргумент типа «одно тянет за собой другое, и прежде, чем вы успеете понять, что происходит, вы уже глубоко увязнете... бла-бла-бла». Самое прекрасное в этом аргументе — то, что в конце скользкого пути можно говорить что угодно, если вы придумаете сколько-нибудь правдоподобные шаги, которые должны будут привести к уготованному вами финалу.

Если Верховный суд заявит, что у вас есть право на гомосексуальные связи у себя дома и по обоюдному согласию, значит, он одобряет право на двоеженство и двоемужие, полигамию, инцест, супружеские измены. Значит, вам будет позволено делать все что угодно.

— Рик Санторум, бывший сенатор

Аргумент скользкой дорожки предполагает, что некое событие А запускает цепную реакцию, которая в конечном итоге приведет к нежелательному результату. Важно, однако, помнить, что не все подобные аргументы ошибочны, в том числе — в определенном смысле — даже тот, что привел сенатор Санторум.

Если утверждение справедливо, то событие А *логически подразумевает* цепную реакцию, которая в итоге приведет вас по скользкой дорожке в ущелье, кишашее волками. Сенатор Санторум рассуждает следующим образом:

1. Верховный суд считает, что право заниматься сексом в собственном доме по обоюдному согласию защищено Конституцией.
2. Если это так, то по логике законно и двоеженство. И полигамия. И инцест. И супружеские измены.

Гм. Вам не кажется, что логика у Санторума какая-то скользкая? Может быть, с исходным утверждением что-то не так? Утверждение бывшего сенатора логично только в одном случае: если единственное соображение, по которому защита любых сексуальных отношений в пределах собственного дома будет считаться конституционной, — это право каждого на частную жизнь. Вы, кстати, и без помощи Верховного суда можете сообразить, что с супружескими изменами дело обстоит именно таким образом. Это частное дело людей, достигших возраста, когда они правомочны давать согласие на половые отношения, значит, Конституция защищает их право, и все тут. Однако утверждать, что с инцестом между взрослыми все обстоит точно так же, — рискованно, если не сказать глупо. Здесь необходимо принять во внимание другие аргументы, не имеющие отношения к праву любовников на частную жизнь: к примеру, влияние этой связи на других родственников или возможность появления на свет ребенка с генетическими аномалиями. Определенно и в случае с двоеженством или полигамией также существуют вопросы помимо защиты частной жизни. Эти формы отношений включают не только секс, и даже не в первую очередь секс. Соответственно, здесь возникают проблемы, в том числе юридические, затрагивающие интересы других людей — в том числе детей, родившихся в подобной семье. Так что мы не можем выдать Санторуму пропуск в царство логически оправданных аргументов скользкой дорожки.

Не следует забывать и то, что состоятельность аргументов скользкой дорожки мы оцениваем с точки зрения не только логики, но и психологии. Однако психологиче-

ские суждения здесь, как и в любом другом случае, всегда ненадежны, так что аргументы, апеллирующие к нашей психике, никогда нельзя считать определенно верными. Так или иначе, они будут подпадать под категорию «может, да, а может, и нет». Это ярко демонстрирует следующий анекдот про ресторатора из Толедо:

Двое мужчин вместе едут в купе поезда. Один из них, пожилой бизнесмен, просматривает бухгалтерские отчеты, время от времени поглядывая на золотые наручные часы «Омега». Второй, молодой человек в потертых джинсах, в какой-то момент спрашивает его:

— Не подскажите, который час?

Пожилой не отвечает.

— Простите, пожалуйста, — повторяет свою просьбу юноша. — Может быть, вы все же подскажите мне, сколько времени?

Отвернувшись от окна, бизнесмен смотрит на юношу и хмуро отвечает:

— Нет!

В раздражении юноша восклицает:

— Но позвольте! Я задал вам самый что ни на есть невинный вопрос. Почему вы не можете подсказать мне, который час?

— Если я скажу вам, который час, мне придется вступить с вами в разговор и рассказать вам о себе, — отвечает бизнесмен. — Тогда вы узнаете, что я владелец самого шикарного ресторана в Толедо, и что у меня есть незамужняя дочь-красавица. Затем вы приедете к нам в гости, влюбитесь в мою дочь и женитесь на ней...

— Ну а если бы и так? Что в этом ужасного? Я вполне достойный молодой человек.

— Возможно, — отвечает пожилой джентльмен. — Но мне не нужен зять, который не может позволить себе купить часы!

Тут каждый шаг скользкой дорожки — всего лишь догадки владельца ресторана. Например, неужели его дочь столь прекрасна, что любой юноша, едва увидев ее, тут же влюбляется без памяти? Мы этого не знаем. Честно говоря, мы ее ни разу не видели — хотя, по словам отца, она и вправду очень соблазнительна, мы впечатлены, сэр. Может быть, если бы ресторатор сказал попутчику, который час, это в конце концов и привело бы к свадьбе. Это вполне возможно. Хотя с таким же успехом ничего подобного могло не произойти. Так что, уважаемый магнат ресторанного бизнеса, не стоит делать вид, что ваша аргументация так уж убедительна и неопровержима.

Рик, тебя это тоже касается, между прочим. На твое предположение о том, что «разрешение гомосексуальных половых связей по месту жительства приведет к тому, что Верховный суд разрешит и двоеженство, и т. д.», мы можем ответить лишь — может, да, а может, и нет. Мы не знаем, что творится в душе у каждого из членов Верховного суда. Особенно если они из Толедо.

Вверх по скользкой дорожке

В своем эссе «Об убийстве» Томас де Квинси¹ писал: «Однажды поддавшись искушению убить, человек тут же

¹ В русском переводе выходило под названием «Убийство как одно из изящных искусств». — М.: Ладомир; Наука, 2000. — *Прим. пер.*

задумается о разбое. От разбоя он перейдет к пьянству и нарушению Шаббата, и в результате станет грубияном и бездельником».

Эта цитата напомнила нам еще один известный анекдот:

Парочка набожных баптистов приходит к пастору местной церкви, чтобы поговорить с ним о предстоящей свадьбе: у них возникла проблема, которую они решили непременно обсудить со священником.

— Пастор! — говорит юноша. — Мы очень хотим танцевать вместе на свадьбе. Можно ли нам сделать это?

— Ни в коем случае! — восклицает пастор. — Танцы — это козни дьявола!

— Хорошо, — покорно говорит невеста, однако затем ей в голову приходит куда более важный вопрос:

— А что насчет секса? Можно ли нам заниматься сексом?

— Разумеется! — успокаивает ее пастор. — Книга Бытия, глава 1, стих 28 велит нам плодиться и размножаться.

— А можно ли нам заниматься сексом в позиции «женщина сверху»? — интересуется жених.

— Конечно, коль скоро вы будете плодиться и размножаться, — отвечает пастор.

— А на кухонном столе?

— Да где угодно!

— А если стоя?

— Ни в коем случае! — возмущенно вскрикивает пастор.

— Но почему?

— Потому что это может закончиться танцами!

Несуществующие различия

Будучи кандидатом в президенты, сенатор Джон Керри заявил, что выступает за право геев вступать в гражданские союзы, которые будут давать им те же права, что и гражданский брак, однако он против однополых гражданских браков. Когда репортер спросил, в чем именно заключается разница между подобным гражданским союзом и гражданским браком, Керри ответил:

Здесь есть отличие. Оно не касается прав, которые дает подобный союз. Оно касается лишь представлений американцев, которые с культурной, исторической и религиозной точек зрения имеют совершенно иной взгляд на брак.

Ну, и что это было? По сути, признав, что между гражданским союзом и гражданским браком нет никакой разницы (ибо где искать различия, если не в «правах, которые дает подобный союз?»), Керри продолжает утверждать, что на самом деле отличие есть.

Разумеется, Керри пытается нас провести. Он пытается увидеть разницу там, где ее нет, чтобы обойти непопулярную позицию поддержки «однополых браков», но при этом все же старается смягчить свою точку зрения, высказываясь за «однополые гражданские союзы». Иными словами, он использует тактику двусмысленных заявлений, популярную среди политиков еще со времен, когда Каин и Авель вели предвыборную борьбу за звание Любимого Сына.

Прием, использованный Керри, — один из старейших, рассматриваемых в этой книге: он описывает несущест-

ствующие различия. Причем делает это весьма искусно, обращаясь к столь неоспоримому авторитету, как американский народ, тем самым совершая еще одну распространенную логическую ошибку апелляции к большинству (или, как называли ее мошенники времен Римской империи, аргумент к народу — *argumentum ad populum*).

Один комик из ночного юмористического телешоу поделился практическими соображениями по поводу разгоревшейся полемики об однополых браках: «Если консерваторы столь решительно настроены против однополého секса, вы можете подумать, что однополые браки решат проблему!» *Но это — совсем другой аргумент.*

Ошибка апелляции к несуществующему различию случается, когда оратор упорно стремится использовать какое-либо конкретное слово или фразу, настаивая, что оно точнее другого, хотя в реальности значения обоих слов идентичны. Чаще всего одни слова предпочитают другим потому, что последние содержат некий эмоциональный подтекст. В нашем случае слово «союз», пусть даже обладающий всеми правами и привилегиями брака, не имеет эмоционального багажа брака, поэтому, черт с ним, давайте-ка обозначим несуществующее различие между этими двумя понятиями.

Не кто иной, как наш старый приятель сенатор Рик Санторум высказался по этому поводу куда более правдиво:

[Если] законы, принятия которых требуют штаты, предполагают предоставление каких-то льгот или нечто

подобное — это одно. Но «гражданский союз», на мой вкус, звучит слишком похоже на брак¹.

Все верно, Рик. А звучат они похоже потому, что подразумевают одно и то же.

В попытках найти обоснование фальшивому разграничению Керри использует старый добрый аргумент к народу: оказывается, различие лежит «в представлениях американцев». Этот *argumentum ad populum* фактически постулирует: «Если идея, что гражданский брак и обычный брак — это разные вещи, популярна, пусть будет так». Однако использовать такие идеи не пристало человеку, потерявшему голоса избирателей.

Скрытое допущение

Любой политический комментатор, достойный иметь собственную программу на Fox News, знает: если требуется утаить правду, лучше всего похоронить ее. Зачем рисковать, выдавая откровенную, наглую, кричащую ложь, если можно обвести слушателей вокруг пальца, спрятав сомнительное предположение в логичном, казалось бы, утверждении? Одна из типичных предпосылок такого рода гласит: правильно с моральной точки зрения то, что естественно, поскольку так задумано матерью-природой. Вот как, к примеру, Билл О'Рейли, ведущий программы *O'Reilly Factor* (Фактор О'Рейли) на канале Fox News, оспаривает научные исследования, показавшие,

¹ Гражданский союз, т.е. гражданский брак — официально признанная форма партнерства во многих развитых странах, приравненная к браку и дающая практически те же имущественные и гражданские права и льготы, что и обычный брак. — *Прим. ред.*

что дети, которые растут в семьях однополых пар, не испытывают из-за этого психологических проблем:

Природа предписывает, что папа и мама — это оптимально [для возвращения и воспитания ребенка]. Почему, [если это не создает никаких психологических проблем], природа не сделала так, чтобы любой желающий мог забеременеть, просто съев кекс?

Обратите внимание на молчаливое допущение, сделанное мистером О'Рейли: определенный природой порядок вещей оптимален *во всех отношениях*. Но тот факт, что природа требует участия мужчины и женщины в зачатии ребенка, вовсе не означает, что такая же комбинация оптимальна для его воспитания. Если следовать логике О'Рейли, то, чтобы согреться в холодный зимний день, лучше бегать по сугробам в костюме Адама, чем потеплее одеться. Ведь мать-природа почему-то не произвела нас на свет в ладно сшитых пиджаках! И даже любимую самим О'Рейли одежду из овечьей шерсти она не захотела нам предоставить. Кстати, не можем не спросить: действительно ли использование массажной варежки в любовной прелюдии¹ — метод, подсказанный природой?

Натуралистическая ошибка

Эта особая разновидность скрытого допущения встречается столь часто, что даже получила собственное имя —

¹ Намек на известный скандал, когда достоянием публики стал телефонный разговор О'Рейли, в котором он делился фантазиями о том, как воспользовался бы варежкой из люфы, оказавшись в душе с одной из своих дам-продюсеров. — *Прим. пер.*

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ БАГАЖ

*«С нашим браком ничего не случилось,
но угроза однополного брака безнадежно подорвала
институт семьи»*

натуралистическая ошибка, или апелляция к природе. Это утверждение, что то или иное хорошо и правильно, поскольку соответствует природе, или, напротив, дурно и недопустимо, поскольку неестественно. Не всегда скрываема идея в основе этого допущения гласит, что мать-природа демонстрирует нам лучший из возможных способов действия. К примеру, из Нью-Йорка в Лос-Анджелес удобнее всего добираться пешком, не так ли? (Кстати, забавный факт: когда был изобретен самолет, находились люди, утверждавшие, что если бы Господь хотел дать людям способность летать, он бы даровал им крылья или, на худой конец, стюардесс).

Прелесть выявления скрытых допущений в том, что, если вам это удастся, вся логическая конструкция обычно рухнет как картонный домик. Если мы разложим по полочкам доводы мистера О'Рейли, получится следующее:

1. То, что диктует нам природа, прекрасно во всех отношениях.
2. Природа решила, что зачать ребенка могут лишь мужчина и женщина.
3. Поэтому именно мужчина и женщина наилучшим образом могут вырастить и воспитать ребенка.

Теперь, когда аргументы представлены полностью, мы ясно видим, что скрытое предположение, будто путь, предложенный природой, всегда лучший, весьма нелепо.

Не будем комментировать интимную фантазию мистера О'Рейли насчет беременности от кекса. Ведь мы придерживаемся иной позиции — живи и давай жить другим.

Как направить дискуссию в нужное русло

Любой человек, когда-либо участвовавший в школьных дебатах, знает, как важно направлять дискуссию, обсуждая лишь вопросы, относящиеся к теме, и отбрасывая все ненужное. Однако в наши дни это понятие обычно означает «устроить все так, чтобы обсуждалось лишь то, что подкрепляет вашу позицию». Знаете, мы в беде, когда сам язык, используемый для описания процесса непредвзятой дискуссии, полон двусмысленностей, призванных заранее обеспечить использование всяческих уверток в ходе дискуссии:

В рамках дебатов не следует обсуждать всплеск активности военных действий и их подробности. Также не следует говорить о нынешней иракской войне, сделанных ошибках и возможности военной победы. Если мы позволим демократам втянуть нас в дискуссию об активизации военных действий и сегодняшней ситуации в Ираке, мы проиграем.

— Отрывок из записки сенаторов Джона Шадегга (Аризона) и Питера Хоукстры (Мичиган), посвященной предстоящему обсуждению резолюции парламента «Осуждение решения президента от 10 января 2007 г. о развертывании в Ираке дополнительного контингента в 20 000 американских солдат» (цитируется по интернет-бюллетеню *Think Progress*)

Подобные правила низводят дискуссию до наномасштабов!

Сама резолюция за номером 63 может считаться образчиком краткости:

1. Конгресс и американский народ поддерживали и будут поддерживать военнослужащих Вооруженных сил

США, которые достойно и храбро исполняют свой долг в Ираке.

2. Конгресс не одобряет решение Президента США Джорджа Буша от 10 января 2007 года об отправке в Ирак дополнительного контингента численностью в 20 000 американских военнослужащих.

В этот текст уже встроена некоторая переоценка. Сначала республиканцы попытались преподнести резолюцию таким образом, чтобы выпятить нежелание демократов поддержать американские войска. Но затем демократы перехватили формулировку и повернули ее против них, добавив первый пункт.

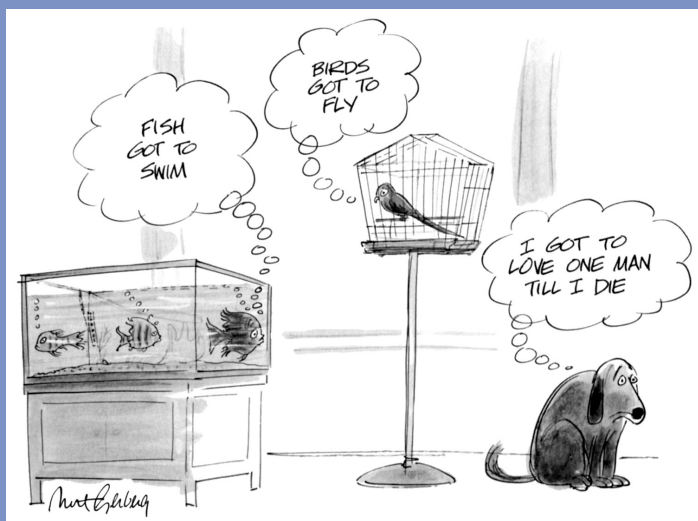
Таким образом, республиканцам остался для обсуждения лишь пункт номер два, критикующий расширение военных действий. Военная хитрость, предложенная сенаторами Шадеггом и Хоукстрой, бесподобна в своей дерзости: они решили повернуть обсуждение таким образом, чтобы темы для дискуссии вообще не осталось. Вот урок для всех и для каждого: изобретая формулировки, мыслите дерзко!

*Устанавливаем рамки:
несколько идей о том, как задать
направление разговора*

1. Для бесед с супругой(-ом): «Разумеется, дорогая(-ой), нам следует обсудить наши отношения. Но давай условимся: мои измены, наша сексуальная жизнь, доверие, деньги, собственность и взаимная под-

ДАННОЕ ПРИРОДОЙ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Подписи к картинкам (слева направо):

«Рыбам дано плавать»,

«Птицам дано летать»,

«Мне предназначено любить одного-единственного человека
до самой моей смерти»

держка не имеют к этому разговору никакого отношения».

2. Для бесед с подчиненными: «Боб, цель этой встречи — обсудить, как вы выполняете свои обязанности. Только не надо говорить о ваших заслугах перед фирмой и тому подобном: честно говоря, компания вовсе не жаждет дать вам заслуженную прибавку к зарплате».
 3. Для выступления в суде: «Ваша честь, единственный вопрос, который должен сегодня решить суд, — какого именно срока заслуживает обвиняемый. И хотя адвокат защиты пытается обсудить возможность того, что подсудимый невиновен, если обсуждение двинется по этой скользкой тропинке, государство проиграет!»
-

Остроумие в риторике

Чтобы закончить эту главу на позитивной ноте, мы должны сообщить вам, что у языка есть одно свойство, которое обращает дьявольские уловки на службу ангелам. Это остроумие.

Я заявляю: если бы это было правдой, генерал Пинкни¹ оставил бы всех себе, отказавшись отдать мне мою парочку!

— Президент Джон Адамс в ответ на пущенный в 1798 году слух о том, что он отправил Пинкни

¹ Томас Пинкни — кандидат в вице-президенты США, баллотировавшийся вместе с Джоном Адамсом. В итоге Адамс и Пинкни проиграли выборы Томасу Джефферсону. — *Прим. пер.*

в Англию, чтобы тот привез оттуда четырех высокопрофессиональных девиц легкого поведения — по две на каждого из них.

Крикун из толпы [кандидату в президенты Элу Смиту на выборах 1928 года]: «Давай, Эл, не стесняйся, расскажи им все что знаешь! Это не займет много времени!»

Эл Смит: «Если я расскажу им все, что знаем мы с тобой на пару, это займет ничуть не больше времени!»

ДЖЕК, НЕ ПОКУПАЙ НИ ЕДИНОГО ГОЛОСА СВЕРХ НЕОБХОДИМОГО! ЕСЛИ МНЕ ПРИДЕТСЯ ПЛАТИТЬ ЗА ПОБЕДУ С БОЛЬШИМ ПЕРЕВЕСОМ, МНЕ КОНЕЦ!

— Кандидат в президенты Джон Кеннеди, якобы зачитывая телеграмму от отца, Джозефа Кеннеди, в ответ на слухи о том, что тот собирается «купить выборы»ⁱⁱ.

Но, увы, времена меняются:

Иди в ж__у!

— Вице-президент Дик Чейни — сенатору Патрику Лейхи в ответ на обвинения в содействии компании Halliburton в получении выгодных военных контрактов

Что тут можно сказать? Только то, что мы невыразимо тоскуем по эпохе, когда еще не наступил конец ораторского остроумия.

II

Стратегия «И твоя мама тоже!»

*Как пудрить мозги
с переходом на личности*

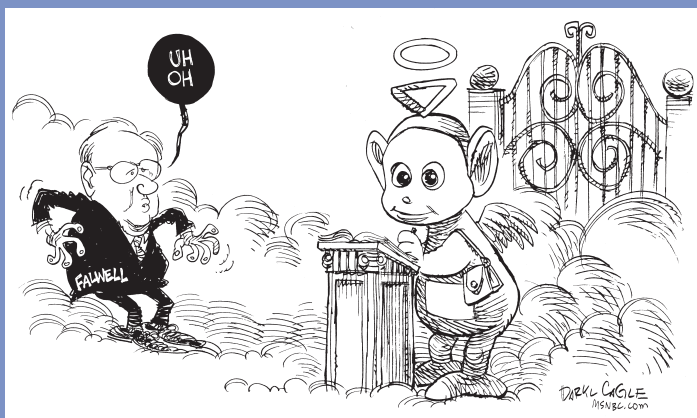
Эта стратегия добавляет в неаппетитное варево словоблудия новый ингредиент: личные оскорбления, называемые также бранью, или грязными словами. Главная идея здесь в том, чтобы и без того запутанную речь дополнить уводящими в сторону определениями, позорящими личность оппонента.

Вина по ассоциации

Один из коварных методов нападения на оппонента — обвинения за компанию, или вина по ассоциации. Рассмотрим для примера высказывания преподобного Джерри Фалуэлла в адрес Тинки-Винки, персонажа из детского мультсериала «Телепузики»:

*Он розовый — это любимый цвет геев, и антенна у него
сделала в форме треугольника — традиционного символа геев.*

— Фалуэлл о Тинки-Винки

«Ой-ей-ей!»

(Надпись на пиджаке: «Фалуэлл»)

Преподобный Джерри хотел заставить нас уверовать, что Тинки-Винки — тайный рекламный агент образа жизни, который именуют «гомосексуальным», и что поэтому он не только достоин всяческого поношения, но и должен быть безжалостно вышвырнут из эфира.

Ох, с чего же начать? Пожалуй, не будем задавать очевидный вопрос: «Что плохого, если Тинки-Винки действительно гей или сочувствует геям (не будем даже упоминать, что каждый девятый персонаж мультфильмов гей от рождения)?» В основе утверждений преподобного лежит идея, что Тинки стилистически напоминает представителей отвратительной для Фалуэлла социальной группы. Если бы Тинки выбрал в качестве модного аксессуара свастику, мы, вероятно, согласились бы с мыслью святого отца. Но при чем тут треугольная антенна Тинки? Неужели с учителями, которые преподают школьникам по всей стране плоскую геометрию, тоже что-то не так? Короче, Фалуэлл пытается сделать Тинки виновным по ассоциации, причем и вина, и ассоциация существуют преимущественно в его воображении.

Нападки сенатора Джозефа Маккарти на Эдварда Роско Мерроу — куда более изощренный пример обвинения по ассоциации:

Факты позволяют мне с уверенностью заявить, что уже двадцать лет назад мистер Эдвард Роско Мерроу занимался коммунистической пропагандой. К примеру, Институт международного образования, где он исполнял обязанности директора, был выбран советским агентством для выполнения работы, которой обычно занимается секретная полиция русских.

— Сенатор Джозеф Маккарти на слушаниях
Комитета по расследованию антиамериканской
деятельности

В данном случае ассоциация связана с Институтом международного образования — организацией, одно время имевшей дела с Советским Союзом. Из-за этого, по мнению Маккарти, уже можно считать, что Мерроу симпатизирует коммунистам и участвует в коммунистической пропаганде. На самом деле, работая в институте, Мерроу подыскивал работу в колледжах и университетах США для тех ученых из Европы, которым было опасно оставаться на родине. Были среди них и советские ученые. Но, с точки зрения Маккарти, подобные мелочи лишь вносят хаос в его стройную схему: если ты работаешь с кем-то из социалистического лагеря, значит, ты — советский аппаратчик. При этом главный удар Маккарти пытается нанести, заявляя, что департамент, в котором работал Мерроу, «был выбран советским агентством для выполнения работы, которой обычно занимается секретная полиция русских». Это утверждение, конечно, полностью сфабриковано: деятельность Мерроу не имела никакого отношения к полиции. Но если чья-то работа — возлагать на людей вину по ассоциации, то всегда можно прибегнуть к методу свободных ассоциаций.

Иногда, однако, мы, публика, возлагаем на людей вину по ассоциации, а не авторы политических заявлений. Нам, право, неудобно, но именно мы должны дать вам пример, которому надо следовать не раздумывая. Последите за своей реакцией на следующее:

Ваши воды умирают... Ваши деревья умирают. Ваша дикая природа заперта в зоопарках. Ты сам в зоопарке, человек. И каково тебе это?

— Чарльз Мэнсон, убийца и активный участник движения в защиту прав животных

Не так уж часто приходится рассматривать в одном ряду Джерри Фалуэлла, Джозефа Маккарти и Чарльза Мэнсона, но, надо признаться, в этом что-то есть. И Джерри, и Джо совершают ошибку обвинения за компанию, они чернят и порочат оппонентов, инкриминируя им связи с группами или личностями с дурной репутацией. Слова Чарли искушают каждого вменяемого человека самому впасть в подобное заблуждение, или генетическую ошибку.

Безусловно, то, что Чарльз Мэнсон — защитник окружающей среды и прав животных, кажется непостижимым, однако дело тут не в логике. Мысль о том, что можно убивать людей, но нельзя держать в неволе зверюшек, не противоречива, а просто безумна. Но сам факт, что сумасшедший убийца защищает права животных, может заставить нас изменить собственные взгляды по части гражданских свобод четвероногих, точно так же как вегетарианские пристрастия Гитлера могут сподвигнуть нас отказаться в правах млекопитающим, поставляющим на наш стол бифштексы. И в том и в другом случае мы совершаем генетическую ошибку, пытаясь судить об истинности или ложности, правоте или неправоте позиции, исходя из личности того, кто ее придерживается. Однако и логические, и этические утверждения убедительны или нет независимо от того, кто их разделяет. И вы знаете,

что раз уж об этом говорим мы, это не может не быть правдой.

Аргумент Ad Homonym

Аргументы в духе «И твоя мама тоже» часто называют *ad hominem* — «к человеку», подразумевая, что они обращены к личности, а не к сути вопроса. Президент Никсон создал свой собственный презабавный вариант: *аргумент ad homonym*, или к омониму, где вина — или невиновность — по ассоциации базируется на созвучии слов. (Кстати, *ad homonym* — омоним слова *hominem*. Ну как, еще не надоело?)

Надо признать, аргументы *ad homonym* практикуются чрезвычайно редко, но когда это случается, они способны заставить ваши мозги закипеть, как видно из следующего примера.

Имейте в виду: мы ничего не выдумываем. В доказательство приведем цитату из *The New York Times* от 9 марта 1966 года:

Вчера Ричард Никсон раскритиковал сходство в произношении названий Du Bois Club и The Boys Club of America¹, заявив, что из-за этого сходства люди путают две организации. Бывший вице-президент, который является председателем совета The Boys Club of America, в своем заявлении отметил, что подобное внесение сумятицы в умы — «классический пример двуличия и лживости

¹ The Boys Club of America («Клуб мальчиков Америки») — детская общественная организация, созданная в 1860 г. Проводит спортивные и развивающие занятия с детьми и подростками. Нынешнее название — Boys and Girls Clubs of America. — *Прим. пер.*

коммунистов». В прошлую пятницу Генеральный прокурор Николас Каценбах заявил, что под вывеской Du Bois Club действует коммунистическая организация...

Tu Quoque (И ты тоже!)

Особо вопиющий случай использования аргумента *tu quoque*, что в переводе с латинского означает «ты тоже» или «сам такой». (Не знаем, как вас, но нас почему-то очень радует, что школьные дразнилки можно называть серьезным латинским термином.)

Рассмотрим следующие примеры:

В политике лгут все, но они [Клинтоны] делают это с такой легкостью, что это внушает опасения.

— Дэвид Геффен, влиятельнейший голливудский продюсер; на момент произнесения этих слов поддерживал Обаму, хотя до того был одним из крупнейших политических спонсоров четы Клинтонов

Если сенатор Обама искренен, регулярно заявляя о стремлении изменить тон политических дискуссий, ему следует немедленно отмежеваться от этих деклараций, отстранить мистера Геффена от участия в своей политической кампании и вернуть ему его деньги.

— Говард Вульфсон, директор по связям с общественностью Хиллари Клинтон; заявление сделано в тот же день, когда реплика Геффена была опубликована в *The New York Times*

Не понимаю, почему я должен извиняться за чужие слова.

— Барак Обама, через несколько часов после заявления Вульфсона

Странно, что у Клинтонов не было проблем с Дэвидом Геффеном, когда он пожертвовал им 18 миллионов долларов и по их приглашению ночевал в спальне Линкольна в Белом доме. Не менее удивительно и то, что в понедельник сенатор Клинтон расточала похвалы и полностью готова принять поддержку сенатора от Южной Каролины Роберта Форда¹, который заявил, что выдвижение Барака Обамы на пост президента причинит ущерб Демократической партии, поскольку «он чернокожий».

— Роберт Гиббс, представитель Барака Обамы, в рамках той же дискуссии

Часто приходится слышать, что вся наша жизнь — это бесконечная учеба в старших классах. Мы осмелимся оспорить это утверждение, по крайней мере применительно к политической риторике, которая, по большей части, напоминает начальную школу. Точнее — площадку для игр малышни, где нам часто приходилось слышать подобные образчики риторического остроумия:

«Ах так, да? А твоя мама ходит в армейских ботинках!»
(Эти воспоминания легко помогут вам вычислить наш возраст: мы учились в младших классах до того, как армейские ботинки стали последним писком моды.)

Или:

«Я глупый? Я глупый? Да ты вообще молчи, у тебя коэффициент интеллекта как у табуретки!»

¹ Сам Роберт Форд — тоже афроамериканец. — *Прим. ред.*

Или:

«Моя сестра? Да по сравнению с твоей сестрой наш деревенский дурачок — Эйнштейн!»

К счастью, доводы Хиллари и Обамы, а также их помощников в духе «на себя посмотри!» спасают нас от ностальгии по тем золотым денькам.

Решающий элемент любой ораторской стратегии — своевременность. К примеру, аргумент «и твоя мама тоже» имеет смысл использовать лишь после нападок в ваш адрес, иначе он прозвучит — как бы половчее выразиться? — несколько вне контекста.

Молодой парень ехал ночью по безлюдной сельской дороге, и вдруг у него спустило колесо. Он залез в багажник в поисках домкрата, но там его не оказалось. Тогда, оставив машину, он двинулся вдоль дороги, надеясь вскоре обнаружить какую-нибудь ферму, где ему могли бы одолжить домкрат. И действительно, пройдя около мили, он заметил впереди огонек. Однако теперь его начали мучить сомнения. «Уже очень поздно, — думал он. — Со всем стемнело. Что подумает хозяин, если кто-то начнет колотить в дверь среди ночи?» Чем ближе он подходил к дому, тем больше нервничал. «Наверное, хозяин велит мне убраться. Наверняка разорется, обругает меня на чем свет стоит...» Тем не менее выбора у него не было, так что, собрав волю в кулак, он подошел к двери и постучал. Дверь открылась. На пороге стоял фермер — Добрый вечер! — произнес он. — Чем я могу вам помочь?

— Да идите вы к черту со своим домкратом! — выкрикнул парень в ответ.

Аргумент соломенного чучела

Еще один чертовски коварный способ перехода на личности — приписать оппоненту позицию, отличную от той, которой он придерживается в действительности, и напасть на нее с критикой. Это так называемый «аргумент соломенного чучела», который на удивление часто остается незамеченным публикой.

Сенатор Барбара Боксер [Кондолизе Райс в ходе слушаний по Ираку]:

Кому же придется платить? Лично мне это не грозит: мои дети уже не в том возрасте, а внук, наоборот, совсем маленький. Вам, при вашем семейном положении, насколько я понимаю, тоже не придется расплачиваться. Так кто же будет платить? Американские военные и их семьи. И я хочу, чтобы мы вернулись к этому факту.

Государственный секретарь Кондолиза Райс [после слушаний]:

Я полагаю, что быть незамужней вполне нормально. Я думаю, что нет ничего страшного в том, чтобы быть бездетной. И я уверена, что отсутствие мужа и детей не мешает принимать правильные решения для своей страны.

Кондолиза, ау! Кто сказал, что с незамужними или бездетными что-то не так? И кто, скажи на милость, упоми-

нал о том, что незамужние и бездетные не в состоянии принимать решения для страны?

Госсекретарь Райс проигнорировала истинный смысл позиции сенатора Боксер, подменив ее искаженной версией. Она соорудила «соломенное чучело», или, в данном случае, «соломенную бабу» — ведь проще нападать на соломенную даму, нежели полемизировать с реальным сенатором Боксер и ее аргументами относительно того, кто именно заплатит за необдуманное решение. Кстати, «аргумент соломенного чучела» получил свое название из-за того, что в старину солдаты использовали пугала как неподвижные мишени для упражнений с оружием.

Реакция госсекретаря явно привела сенатора в замешательство. «В ходе этой дискуссии я пыталась показать, что объединяет нас с Кондолизой Райс, — заявила она. — Я пыталась сказать, что мы обе находимся в одинаковом положении: никто из наших родных не служит в армии».

Анекдот или сатира могут высмеивать взгляды политиков, избегая обвинений в использовании «аргумента соломенного чучела». В конце концов, это ведь всего лишь анекдот! Но вчитайтесь в эту сатирическую реплику «Пять столпов либеральной веры», приведенную в анонимном блоге:

5. СПИД распространяется из-за недостатка финансирования.
4. Гендерные роли искусственны, а гомосексуализм — естественен.
3. Бизнес создает угнетение, а правительство — процветание.

2. Самооценка куда важнее действий, направленных на то, чтобы заслужить ее.
1. То самое правительство, которое не в состоянии организовать работу почты, должно обеспечить здравоохранение.

Если чучело игриво подмигивает, оно все равно остается чучелом, не так ли?

Сенатор Керри — еще одна жертва изготовителей «соломенных чучел». Он подготовил речь, которая гласила: «Невозможно переоценить значение образования. Если не учиться, не развивать сообразительность, предаваться интеллектуальной лени — к чему вы придете? Вы придете к тому, что втянете нас в иракскую войну. Спросите у президента Буша». Увы, в реальности он сказал следующее: «Если вы максимально ответственно подойдете к своему образованию, будете учиться изо всех сил, делать домашние задания и развивать свой ум, у вас все будет в порядке. В противном случае вы погрязнете в Ираке». И хотя мастера словесных уловок имели заранее подготовленные тезисы выступления Керри, они понимал, что за чучело перед ними. Лидер парламентского большинства сенатор Джон Бэйнер выпустил обращение, украшенное картинкой, на которой солдаты в пустыне держат плакат: «Памаги нам, Джон Бэйнер, мы тут вляпались в этак Ерак!» Подтекст иллюстрации разгадать несложно: Бэйнер представил дело так, будто Керри считает американских солдат в Ираке сборищем неотесанных болванов.

И хотя сложно испытывать симпатии к человеку, который сам выставляет себя на посмешище, но мы все же уверены: республиканцы прекрасно понимали, что Керри, выпускник Йеля, воевавший во Вьетнаме, вовсе не хотел назвать всех служащих в армии необразованными людьми. Чучело остается чучелом, даже если создавать его помогает живой человек.

Контекстомия

Разновидность аргумента соломенного чучела носит название контекстомии. Данным словом, на котором легко сломать язык, называют выхватывание фраз из контекста. Это все тот же аргумент чучела, поскольку здесь оппоненту также приписывают позицию, которая не имеет к нему никакого отношения. Однако в случае контекстомии для этого используются собственные слова оппонента, только вырванные из контекста.

В подобной ситуации мы, слушатели, часто действуем заодно с теми, кто использует этот приемчик: ведь нам так хочется верить, что жертва и вправду ляпнула что-нибудь эдакое! И демагоги, прибегающие к контекстомии, часто используют эту нашу слабость, тщательно выбирая цитату, которая непременно найдет отклик у публики:

Мы имеем возможность вырубать тихоокеанский тис и пускать его на производство мощного лекарства таксола, дающего надежду на излечение некоторых форм рака легких, груди и яичников у пациентов, которые в ином случае быстро умрут. Казалось бы, выбор очевиден:

пожертвовать деревом ради спасения человеческой жизни. Но это лишь до тех пор, пока мы не узнаем, что ради каждого пациента придется уничтожить целых три дерева.

— Вице-президент Альберт Гор, в книге *Earth in the balance* («Земля в опасности»), 1992 г.

Три дерева против человеческой жизни, три дерева против возможности продлить существование человека, страдающего от рака? Лично я делаю выбор в пользу личности, индивидуума, человеческого существа, страдающего от этой чудовищной болезни — рака, и заявляю, что результат того стоит. Мы можем пожертвовать тремя деревьями ради спасения одной жизни. Однако вице-президент Гор полагает, что этот вопрос не столь однозначен.

— Дэвид Макинтош, в речи, произнесенной перед Палатой представителей, по поводу вышеприведенного высказывания в колонке газеты *Austin American-Statesman*.

Осторожно, контекстомия! Ниже приведен контекст той самой цитаты, по поводу которой Макинтош обвинил Гора в чересчур пылкой любви к тисам:

*Большинство уникальных видов [деревьев] в дождевых лесах находятся в опасности, не в последнюю очередь, из-за того, что некому поднять голос в их защиту. Рассмотрим, к примеру, дискуссию о тисе — неприметном дереве, одна из разновидностей которого произрастает на Тихоокеанском северо-западе. **Мы имеем возможность вырубать тихоокеанский тис и пускать его на производство мощного лекарства таксола,***

дающего надежду на излечение некоторых форм рака легких, груди и яичников у пациентов, которые в ином случае быстро умрут. Казалось бы, выбор очевиден: пожертвовать деревом ради спасения человеческой жизни. Но это лишь до тех пор, пока мы не узнаем, что ради каждого пациента придется уничтожить целых три дерева, что необходимый химический состав имеет лишь кора деревьев, достигших столетнего возраста, и что таких деревьев на планете осталось совсем немного. В этом случае нам придется ответить на несколько неприятных вопросов. Будем ли мы думать о медицинских нуждах следующих поколений? Имеем ли право мы, ныне живущие, полностью извести все эти деревья, чтобы продлить жизнь немногим из нас, пусть даже уникальная форма жизни навеки исчезнет с лица земли, и мы навсегда лишимся возможности спасти представителей будущих поколений?

Другими словами, непримиримость Гора с уничтожением тисовых деревьев была связана не с фанатичной страстью к тисам, а с беспокойством о том, что если сейчас мы будем безоглядно истреблять их, то лишим будущие поколения возможности получать лекарство для раковых больных.

Похоже, специалисты политической контекстологии научились своим штучкам у мастеров словоблудия из шоу-бизнеса. Наверное, каждому из нас попадались на глаза обрывочные восторженные цитаты из рецензий на книгу или пьесу, которые прямо-таки заставляют задаться вопросом: о чем же говорится в тексте, если прочитать его полностью? К примеру, «Кевин Федерлайн сразил их!» — цитата, выхваченная из довольно длин-

ной рецензии, где говорится: «Своим выступлением в одном из ночных клубов Лас-Вегаса Кевин Федерлайн сразил аудиторию наповал — зрители просто умирали от скуки».

А вот цитата из рекламы мюзикла «Кордебалет», занимавшая целых две страницы *The New York Times*, которая цитирует ведущего критика издания Бена Брантли: «То, что происходит после восьми вечера в театре Шенфелд... настолько свежо, что перехватывает дыхание». Когда мы целиком прочли рецензию Брантли, в которой градус восторженности оказался куда ниже, у нас и вправду перехватило дыхание. Вот что там сказано:

То, что происходит после восьми вечера в театре Шенфелд, на новой, в целом ничем не примечательной постановке «Кордебалета», можно назвать искривлением времени, которое Эйнштейн вряд ли сумел бы объяснить. Свет, музыка, множество двигающихся тел — все это заставляет чувствовать себя одновременно в 1975-м, когда «Кордебалет» впервые появился на сцене, и в 2006-м. Таким был «Кордебалет», когда я впервые посмотрел его 31 год назад, и тем не менее это **настолько свежо, что перехватывает дыхание**. Смотреть мюзикл в постановке Боба Эвиана — все равно что пить пиво, когда-то налитое в кувшин. Вкус и аромат первого глотка вам никогда не удастся повторить... Создатели новой постановки использовали архивы и воспроизвели мюзикл с точностью репродукции, однако не сумели воспроизвести его нервную систему, его быющее сердце.

Короче, если бы тисов не было, их следовало выдумать.

Господь — мой рулевой

Некоторые не слишком утонченные политики прошлых эпох (к примеру, гунн Аттила или Влад Сажатель-на-кол и им подобные, не смущавшиеся вида пролитой крови) использовали собственный вариант аргумента «И твоя мама тоже!». Его можно назвать «И мой папа тоже!». Они апеллировали к чувствам слушателей, заявляя: «Это так, поскольку так утверждает мой Отец» — разумеется, под отцом подразумевая Отца Небесного.

Я — Бич Божий. Если бы вы не совершили великих грехов, Господь не наслал бы меня на вас в наказание.

— Чингисхан (1162–1227)

Не правда ли, странно и удивительно слышать, как честный политик говорит именно то, что у него на уме? Вот на Чингисхана всегда можно было рассчитывать: он-то говорил, что думал.

Однако в данном утверждении он идет еще дальше, обращаясь к старой как мир теологической проблеме: почему добрый и справедливый Господь допускает, чтобы с его великим творением, Землей, происходили столь ужасные вещи? На это Чингисхан отвечает: «*Господь знает, грешник ты или праведник. Если ты не жил праведно во имя Господа, он с моей помощью просто заставит тебя дорого заплатить за это. Именно так Господь поддерживает верховенство добра в мире. Этого вполне достаточно для Бога, не говоря уже обо мне, Биче Божьем.*

Фактически Чингисхан подразумевает, что ему известны мысли и мотивы Господа. Что он его доверенное лицо — короче говоря, *Deus est auriga meus* («Господь —

мой кормчий»). Излишне говорить, что Чингисхан был не одинок в своей вере: Бог, скрываясь под разнообразными псевдонимами, и в наше время частенько лично обращается к мировым лидерам, периодически советуя им совершать убийства во имя Его.

Когда президента Джорджа Буша спросили, обсуждал ли он вторжение в Ирак со своим отцом, бывшим президентом Джорджем Бушем-старшим, тот ответил: «Когда речь идет о силе, обращаться следует к другому отцу. Я уповаю на высшего отца».

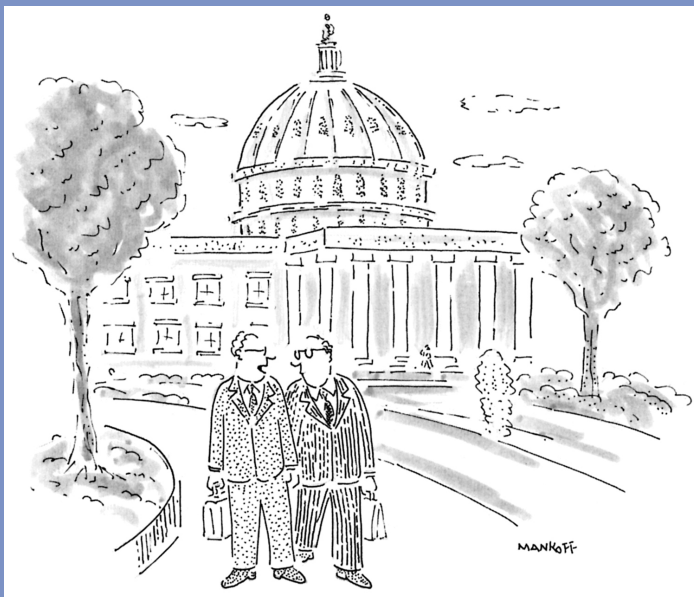
В некоторых семьях это расценили бы как неуважение младшего к старшему. Однако ремарка Буша-младшего наводит на другой вопрос. По какому принципу Небесный Отец набирает себе заместителей? Методом тыка? Или руководствуясь собственными симпатиями и антипатиями? Быть может, следующий анекдот прольет свет на эту проблему:

Хромой инвалид в лохмотьях пробирается между рядами церкви к алтарю и, воздев глаза к небу, восклицает: — Господи, за что ты насылаешь на меня все эти несчастья?

Неожиданно прямо над его головой возникает ослепительный свет и громыхает небесный глас:

— Да просто ты меня раздражаешь, Чарли!

Однако пусть Чингисхан наслаждается статусом избранного, мы же поподробнее рассмотрим его заявление. Он использует базовую логическую конструкцию

«Как понять, что ты действительно обладаешь властью, если ею не злоупотреблять?»

типа «если... то». Значит, мы можем проверить данное утверждение на прочность, используя вполне надежный логический маневр под названием отрицание следствия. Из фразы «**если** бы вы не совершили великих грехов, **то** Господь не наслал бы меня на вас в наказание» мы можем вывести следующее умозаключение: «**Если** Господь наслал меня на вас в наказание, **то** вы, безусловно, совершили великие грехи». Именно здесь и кроется вся прелесть использованного нами метода: он неуязвим. Нет никаких доводов, которые могли бы опровергнуть это утверждение. Что бы я с тобой ни делал, сам виноват!

Нечто подобное однажды выдал Гручо Маркс, заявивший: «Я не соглашусь вступить в клуб, который готов видеть меня своим членом». Точно так же и господин Чингисхан вряд ли пожелает влиться в ряды племени, над которым занесен его бич.

Однако прислушайтесь: наш друг Чингисхан протестует! *«Минуточку! Вы хотите представить дело так, будто я наказываю кого вздумается, и оправдываюсь тем, что если уж я покарал кого-то, значит, тот заслужил. Не надо грязи! Вы путаете меня с этим варварским корольком из будущего, Людовиком XIV, заявлявшим: “Это законно, поскольку я этого хочу!” Но быть Бичом Божьим — совсем другое дело. Это огромная ответственность! Я действую, лишь руководствуясь волей Божьей, так что, если я вас наказываю, значит, вы это заслужили».*

Возможно, глупо приписывать Чингисхану подобную тонченность чувств и изысканность аргументации. Од-

нако именно так рассуждают священники, доказывая собственную непогрешимость, и, возможно, так мыслит Джордж Буш по поводу священной войны с мировым злом — хотя мы не будем делать вид, будто понимаем, как устроен разум господина Буша. Возможно, они не декларируют напрямую: «Deus est auriga meus», но все равно приписывают себе уникальное и неоспоримое право интерпретировать волю Господа.

«Я сделал это по велению Бога!»

После Чингисхана аргумент «Я сделал это по велению Бога!», как принцип действия и одновременно его оправдание, отходит на задний план, а вместо него появляется другой: «Я сделал это по наущению дьявола!» И в том и в другом случае личная ответственность сводилась к нулю. Оставался всего один шаг до объяснения своих поступков собственным безумием: «Мною движет мое бессознательное». Что удивительно во всех трех разновидностях мотивации выше — они подталкивают нас исключительно к злодеяниям. Как ехидно заметил один актер: «Вы слышали когда-нибудь, чтобы кто-то вопил: “Господь велел мне постричь газон!”»?

Проекция

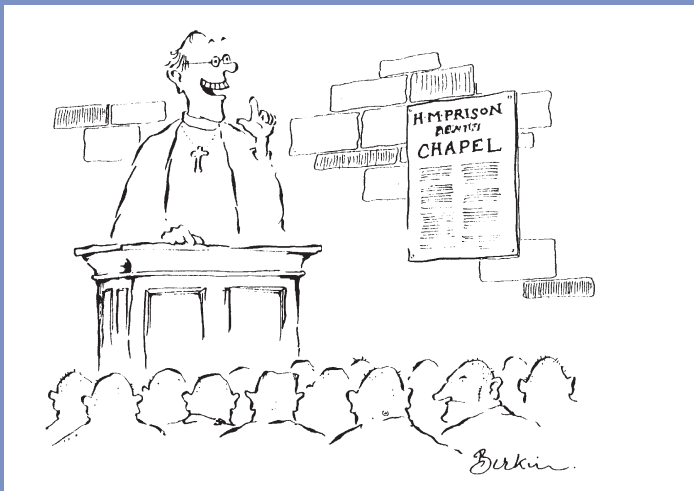
Итак, самое время продемонстрировать принцип «И твоя мама тоже!» с помощью небольшой задачки. Кто, по-вашему, сказал в 1941 году следующие слова, и о ком они были сказаны?

Уже больше пяти лет этот человек рыщет по Европе в поисках места, где бы устроить пожар. Увы, ему раз за разом удается подкупить наемников, готовых открыть ворота своей страны этому международному поджигателю.

Наиболее сообразительные из вас наверняка решат, что эта цитата принадлежит какому-нибудь мудрому политику вроде Уинстона Черчилля, и что речь в ней идет об Адольфе Гитлере. И попадут пальцем в небо. Эти слова были сказаны Адольфом Гитлером — о Черчилле!

Была ли это хитрость Гитлера, сознательное искажение реальности, или тут задействован иной механизм? Мы полагаем верным последнее, хотя, разумеется, без искажения реальности здесь не обошлось. Но прежде чем вдаваться в подробности, хотелось бы сделать важную оговорку. Об образе мыслей Гитлера написаны многие тома, причем, как все мы прекрасно знаем, психоаналитические интерпретации обычно бывают, мягко говоря, достаточно вольными. Однако это высказывание фюрера настолько противоречит здравому смыслу, что мы не можем не попытаться найти для него хоть какое-то объяснение, пусть даже наши догадки покажутся вам совершенно недоказуемыми.

Похоже, что в своих суждениях об Уинстоне Черчилле Гитлер оказался в плену известного психологического феномена — проекции. По Фрейду, проекция — это попытка приписать другому собственные желания и стремления, которые кажутся нам пугающими. К примеру, клиент психотерапевта может утверждать, что тот только и ждет удобного случая, чтобы двинуть ему по голове,

«Попробуйте представить себе, что Бог —
это такая круглосуточная система видеонаблюдения,
котораяставляет материал для всемирной
телепрограммы “Внимание, розыск!”»

(Надпись на стене: «Тюремная церковь»)

хотя в реальности сам пациент бессознательно мечтает врезать доктору, да посильнее.

Этот защитный механизм прекрасно описан в известной шутке:

Психотерапевт: О чем вы думаете в первую очередь, когда я показываю вам этот треугольник?

Пациент: Двое мужчин и женщина занимаются этим на водяном матрасе.

Психотерапевт: А какие мысли вызывает у вас этот круг?

Пациент: Две девчонки тискают друг друга в душе рядом с раздевалкой спортзала.

Психотерапевт: А что насчет этого квадрата?

Пациент: Женщина трахается с тремя мужиками на заднем сиденье «Вольво».

Психотерапевт: Отлично! Кажется, я знаю, в чем ваша проблема. Вы одержимы сексом!

Пациент: Я? Между прочим, это вы, а не я, собрали тут целую коллекцию порнографических картинок!

Однако куда более важен другой вопрос: каким образом простой человек, хотя бы житель Германии 1940-х годов, мог поддаться на подобную подмену, поверив, что плохой парень — совсем другой человек?

Ответ кроется в страстности, с которой произносил эти слова их автор. Он выступал столь энергично, столь уверенно, столь неподдельно ужасался действиями тех, кого считал коллективными врагами, что трудно было не поверить в искренность его речей. Но помните: любой оратор, склонный к проекции, будет говорить страстно и убежденно. Выражаясь языком психоанализа, отвлечение к самому себе он переносит на других и на-

чинает ненавидеть их с той же силой, а ведь ненависть к себе, как многие из нас знают, — чувство очень пылкое и страстное, как, впрочем, и ненависть вообще.

Похоже, войны и выборы стимулируют проекцию как форму психопатологии. Когда одна из партий (чтобы никого не обидеть, назовем ее «партией А») предлагает существенно снизить налоги преимущественно сверхбогатых людей, а оппозиционная партия (назовем ее «партией Б») указывает на социальную несправедливость подобных мер, что отвечает партия А? Правильно: она начинает яростно обвинять партию Б в том, что та «разжигает классовую вражду»!

Argumentum ad Verecundiam (Апелляция к авторитету)

Существует несколько способов обвести оппонента вокруг пальца, переходя на личности, но не прибегая к прямым оскорблениям. Хорошо, что мы можем выйти из подобной дискуссии, не вымазавшись в грязи. Плохо только, что при этом у нас возникают весьма сомнительные мысли. Вот вам подобный пример апелляции к авторитету:

Уже не первую неделю фанаты Red Sox доверяют мне, когда я выхожу на площадку для подачи. А сейчас вы можете доверять мне, когда я говорю вам: Джордж Буш — тот лидер, который нужен нашей стране.

— Курт Шиллинг, питчер команды Red Sox

Я верю, что Джон Керри высоко ставит эти идеалы. Он жил с ними последние 50 лет, и у него сформировались зрелые представления об Америке и ее народе.

— Брюс Спрингстин, певец, автор песен

Апелляция к авторитету призвана поддерживать доводы, подкрепляя их мнениями уважаемых и знаменитых людей. А кто в США популярнее футболистов и рок-звезд?

Сама по себе апелляция к авторитету не является ошибочной. Мы цитируем Эйнштейна, подкрепляя свои высказывания о пространственно-временном континууме, — и это правильно и оправданно. Поэтому многие авторитеты в области неформальной логики называют ошибочной лишь апелляцию к сомнительным авторитетам. К примеру, позволяет ли ловкость Шиллинга в обращении с мячом считать его авторитетным политическим комментатором?

В 1992 году Хиллари Клинтон заявила: «Я вам не маленькая женщина, которая стоит здесь позади своего мужчины, как Тэмми Винетт». После этого пресса, разумеется, сразу же обратилась к эксперту — не в области политики, а по части стояния позади своего мужчины и исполнения роли Тэмми Винетт, — а именно, к самой Тэмми Винетт. «Но ведь именно это она и делает!» — воскликнула в ответ та.

Случай с Dixie Chicks еще более поучителен. Когда участницы этой кантри-группы заявили, что ничуть не рады быть уроженками того же штата, что и президент, поклонник музыки кантри поставил под сомнение их компетентность. Фанат, выкрикнувший из зала «Зат-

кнись и пой!», на самом деле имел в виду: «Вы ни черта не разбираетесь ни в войне, ни в политике!»

Забавно, что либеральное крыло Американской академии звукозаписи решило поддержать претензии Dixie Chicks на звание политических экспертов, отвалив им целую кучу «Грэмми».

Но главная проблема апелляции к авторитету заключается в том, что любой желающий может перебирать авторитеты до тех пор, пока не услышит от одного из них то, что хочет услышать:

Один человек никак не мог разобраться, можно ли заниматься сексом в Шаббат, поскольку не был уверен, что такое секс — работа или удовольствие? С эти вопросом он пришел к католическому священнику. Просмотрев церковные каноны, тот ответил ему:

— Сын мой, я обстоятельно изучил все труды церкви и пришел к выводу, что секс — это работа, и, значит, он противоречит требованию отдыхать от трудов твоих в этот священный день.

Однако, подумав, человек решил, что священника, принявшего обет безбрачия, вряд ли можно считать авторитетом в вопросах секса. Тогда он отправился к женатому министру. Тот, сверившись с Библией, дал ему тот же ответ: секс — работа, и, значит, заниматься им в шаббат нельзя.

Неудовлетворенный полученным ответом, человек отправился к следующему авторитету — рабби. Немного подумав, рабби ответил:

— Сын мой, несомненно секс — это удовольствие!

— Рабби, это отличная новость! — воскликнул тот. —

Но почему вы в этом так уверены? Ведь многие говорили иное!

— Сын мой, — отвечал рабби, — если бы секс был работой, моя жена поручила бы это служанке!

Вина с оговоркой

Многие политики используют еще одну сравнительно безвредную уловку с переходом на личности — признание вины с оговоркой. Они пытаются вызвать сочувствие и понимание, признавая совершенную ошибку, но при этом предлагая оправдывающее их объяснение. В итоге получается что-то вроде: «Я прошу меня простить, хотя, в сущности, мне не за что просить прощения». Ловкий ход, ничего не скажешь!

Например, президент Джордж Буш-младший неоднократно заявлял, что министр обороны Дональд Рамсфелд останется с ним до конца президентского срока, но когда демократы победили на промежуточных выборах 2006 года, объявил, что Рамсфелд покинет свой пост.

Журналист: На прошлой неделе вы говорили, что министр обороны Дональд Рамсфелд останется на своем посту. Почему сейчас вы решили объявить о его отставке, и связано ли это с результатами выборов?

*Буш: Вы задавали мне вопрос за неделю до выборов, и тогда я ответил, что он продолжит работу. **Я не хотел объявлять о значимых решениях за несколько дней до окончания выборной кампании. Тогда это был единственный ответ, который я мог дать, чтобы побыстрее покончить с этим вопросом и перейти к следующему.***

Прибегая к признанию вины с оговоркой, надо учитывать, что некоторые объяснения работают лучше других. В данном случае президента поймали на явной непоследовательности: заявив, что никогда не уволит Рамсфелда, уже неделю спустя он объявил, что настало время отдать его пост новому человеку, который будет проводить новый курс, так что до свидания, Дональд. Буш мог просто сказать, что обстоятельства неожиданно изменились, что заставило его пересмотреть свою позицию касательно увольнения Рамсфелда или же своевременности этого шага. Но наш главный стратег весьма последователен в своем нежелании признавать собственную непоследовательность. Поэтому он предложил объяснение, которое, по его мысли, должно было вызвать у нас сочувствие и понимание. Иными словами, он предположил, что было бы нечестно и неправильно увольнять Рамсфелда (или объявлять о его отставке) до выборов, поскольку это могло бы повлиять на их исход. Ничего не скажешь, благородное объяснение!

Главный показатель эффективности признания вины с оговоркой — правдоподобие объяснения. Большинство экспертов полагают, что, с учетом потрясающей непопулярности Рамсфелда среди избирателей, его увольнение перед выборами лишь увеличило бы число голосов, отданных за республиканцев. Ну как же! Это, конечно, заставит нас отнестись с еще большим сочувствием к словам президента, демонстрирующим его беспристрастность. Правдоподобно? Увы, нет! При этом большинство экспертов опять-таки сходятся во мнении, что, если бы по итогам выборов республиканцам удалось сохранить большинство в Конгрессе, старина Рамсфелд сохранил бы свой пост.

Ниже приводится старый анекдот про фермера, в котором тактика признания вины с оговоркой подвергается жесткой проверке на достоверность. Конечно, анекдот несколько длинноват, но для фермерского анекдота это нормально.

Фермер по имени Клайд попал в аварию. По этому делу был назначен суд, где Клайду пришлось отвечать на вопросы лощеного адвоката транспортной компании.

— Действительно ли вы заявили на месте аварии, что с вами все в порядке? — спросил адвокат.

— Я сейчас расскажу вам, как было дело, — произнес в ответ Клайд. — В тот день я как раз погрузил мою любимую коровку, Бесси...

— Я не просил вас рассказывать подробности, — перебил его адвокат. — Я хочу, чтобы вы ответили на вопрос: действительно ли вы заявили на месте аварии, что с вами все в порядке?

— Я тогда как раз погрузил в прицеп Бесси, мою любимую коровку, и ехал по этой дороге...

— Ваша честь! — вновь перебил фермера адвокат, обращаясь к судье. — Я пытаюсь установить факт, что на месте аварии этот человек заявил прибывшему патрульному: «Со мной все в порядке!» Теперь, спустя несколько недель после инцидента, он подал иск против моего клиента. Я считаю, что он пытается мошенничать. Пожалуйста, попросите его просто ответить на мой вопрос!

Однако судья, заинтригованный рассказом Клайда, ответил:

— Нет-нет, я хочу дослушать его историю про любимую корову Бесси.

Поблагодарив судью, Клайд продолжил:

— Ну, я вам уже сказал, что в тот день я как раз погрузил Бесси, мою любимую коровку, в прицеп и ехал спокойно по дороге, и тут вдруг этот здоровенный полуприцеп проезжает на красный свет — и прямо в бок моему грузовичку! Меня отбросило в одну канаву, Бесси — в другую. Мне было очень больно, так, что не двинешься. Но я слышал, как стонала моя Бесси, и я понимал по тому, как она жалобно мычала, что ей совсем плохо. А вскоре приехал тот полицейский. Он услышал, как стонет Бесси, и подошел к ней. Он взглянул на нее и, видно, понял, что бедняжка совсем плоха. Так что он вытащил свою пушку и выстрелил ей прямо между глаз. А потом он перешел на другую сторону дороги, даже не убрав свою пушку, глянул на меня и спросил: «Как вы себя чувствуете?» Ну и что, черт возьми, вы бы ответили ему, будь вы на моем месте?

Кайрос (Благоприятный момент)

Извиняться политикам непросто. В таких случаях они хотят выглядеть скромными, но сильными; заботливыми, но величественными; ответственными, но ни за что не несущими ответственности. Однако совместить несовместимое для опытного политика не проблема. И, подобно талантливым актерам, они понимают, что главное — правильно выбрать момент.

[Мы сожалеем об] истреблении, уничтожении, насильственном перемещении, запрете традиционных культов и разрушении священных мест.

— Билль, представленный членом палаты представителей Джо Энн Дэвис, содержащий извинения государства США перед коренным населением Америки

Разумеется, каждый американец знает, что рабство — это плохо. Мы заплатили за него ужасную цену и вынуждены исправлять его последствия. И говорить о том, что это плохо и мы сожалеем об этом, уже неплохо.

— Президент Билл Клинтон, типа, извиняясь за рабство

[Мы приняли] закон о реституции, и приносим [вам] искренние извинения.

— Президент Джордж Буш, принося извинения за интернирование американцев японского происхождения в ходе Второй мировой войны

Жалко, что вы не подали заранее запрос в письменном виде, чтобы я мог подготовиться. Джон, я уверен, что потом историки будут говорить: господи, он же мог сказать гораздо лучше, вот так или вот эдак... Знаете, я уверен: что-нибудь придет мне в голову во время этой пресс-конференции, придется все-таки собраться и дать ответ... Но пока ничего не пришло.

— Президент Джордж Буш, не принося извинений за какие бы то ни было ошибки, допущенные после 11 сентября 2001 г.

В принципе, я уже говорила и буду говорить впредь: зная то, что я знаю сейчас, я бы за это не голосовала.

— Сенатор Хиллари Клинтон, не извиняясь за то, что проголосовала за санкционирование войны в Ираке, в ответ на требование избирателя из Нью-Хэмпшира:

«Я хочу знать: здесь и сейчас, прямо и без оговорок, можете ли вы сказать, что санкционирование военных действий было ошибкой?»

Да, ошибки были.

— Президент Никсон, не извиняясь за «Уотергейтское дело»; также — Генеральный прокурор Альберто Гонзалес, не извиняясь за увольнение восьми государственных обвинителей.

Для начала несколько слов о кайросе, ключевом понятии Аристотелева «Трактата о риторике». Это один из тех многозначных терминов, что заставляют переводчиков лезть на стену, однако чаще всего с ним связаны понятия «тайминг», «правильный выбор момента», «неблагоприятное время», *eukairos* («удачный момент») и *kakakairos* («неудачный момент»).

В наше время кайрос чаще всего обсуждается в связи с быстрой реакцией кандидатов на выборах или правительственных чиновников на новости или обвинительные заявления, которые они хотели бы «поправить». Понятие «удачный момент» в наше время, когда новости выходят в эфир 24 часа в сутки, приобрело совершенно новое звучание: чем скорее ответ будет обнародован, тем лучше. В Белом доме есть даже специальный служащий, чья должность звучит как «Главный специалист Белого дома по быстрому реагированию», и он имеет дело отнюдь не с ракетными атаками, а со словесными нападками.

Однако существует исключение из правила «чем скорее, тем лучше», которое вызвало бы у Аристотеля головкружение столь же мощное, как вращение небесных

сфер: *извинения*. Когда дело доходит до выражения искренних сожалений, куда лучше *не торопиться*. Современные политики пользуются весьма практичной методикой: в принципе, можно извиниться за что-нибудь случившееся до 1950 года, однако предпочтительно все-таки выбирать события, которые произошли до Гражданской войны, а еще лучше — до принятия Конституции США.

Вот почему мы должны войти в положение президентов Буша и Никсона, а также сенатора Клинтон. Трудно извиняться за то, что случилось на памяти ныне живущих, поскольку это слишком близко к тому, чтобы и в самом деле принять на себя ответственность.

Это напоминает историю о таксисте, который подвозил монашку:

Монашка едет в такси и вдруг замечает, что молодой таксист все время поглядывает на нее в зеркало заднего вида. Она интересуется у него, в чем дело.

— Я хочу вас кое о чем спросить, — отзывается тот. — Но боюсь, что вопрос оскорбит вас.

— Сын мой, — отвечает монашка. — Ты не можешь меня оскорбить. Я уже стара, и много лет монашествую, и чего я только не видела и не слышала за это время! Уверю тебя, ничто из того, что ты можешь сказать или спросить, не нанесет мне обиды.

— Ну, хорошо, — собрался с духом таксист. — Дело в том, что я всю жизнь мечтал поцеловать монашку.

— И это вполне понятно, — откликнулась его пассажирка. — Я могу помочь тебе исполнить твою мечту, но только если ты католик и не состоишь в браке.

— Да, я католик! — воскликнул таксист. — И я холостой!

— Хорошо, тогда давай свернем в ближайший переулок.

Они повернули в переулок, где таксист страстно поцеловал монашку. Однако когда они двинулись дальше, он вдруг разрыдался.

— Милое дитя, почему ты плачешь? — мягко спросила монахиня.

— Сестра, мне очень трудно просить у вас прощения за то, что я только что сделал, и все же я умоляю вас простить меня. Я согрешил, я солгал вам, и должен признаться в этом. Ведь я баптист, и к тому же женат!

— Милый, тебе не о чем переживать! — ответила монашка. — Ведь меня зовут Эрик, и я еду на Хэллоуин!

Qui Dicit (Кто это говорит?)

Возможно, наиболее яркий пример перехода на личности как риторического приема — принцип *qui dicit?* (кто это говорит?). Как выясняется, в определенных культурах некоторым людям не положено говорить то, что можно говорить другим. Примером может послужить Дон Имус, который, произнося печально известную фразу про «помятых лохматых шлюшек»¹, не был ни афроамериканцем, ни рэпером. Или возьмем мэра Рэя Наджина, который как раз добивался переизбрания, когда произнес следующие слова:

¹ Дон Имус — известный американский писатель, радио- и телеведущий, ведущий популярного радишоу «Утро с Имусом» (Imus in the Morning). Известен своим грубым юмором. В 2007 году в эфире своего шоу назвал игроков женской баскетбольной команды Университета Ратджерса «лохматыми помятыми шлюшками», чем вызвал громкий скандал. — Прим. пер.

Мне безразлично, что там болтают люди на окраинах или где бы то ни было. В конце концов, этот город будет шоколадного цвета. Он будет городом афроамериканского большинства. Именно так пожелал Господь.

— Мэр Нового Орлеана Рэй Наджин, о восстановлении города после урагана «Катрина»

Я слышу, что все они хотят остаться в Техасе, и, надо сказать, это меня пугает. Все просто потрясены здешним гостеприимством. Но, знаете, многие из людей здесь, на стадионе, так или иначе малоимущие, так что для них это вполне комфортно.

— Первая Мать и бывшая первая леди Барбара Буш, о жертвах урагана «Катрина», временно размещенных на стадионе «Астродам» в Хьюстоне

Здесь мы видим другую форму «апелляции к человеку», при которой сила и нравственность утверждений в некотором смысле зависит от того, *кто* их говорит, и нередко от того, *как* и *кому*.

В случае с принципом «кто это говорит?» мы обнаруживаем, что господин А может без проблем высказать мысль Х слушателям из группы А, однако высказывать ту же мысль слушателям из группы Б с его стороны будет плохо, неправильно и нечестно по определению. А вот господин Б вообще не имеет никакого права говорить про Х. К примеру, один еврей может рассказать другому анекдот, высмеивающий общеизвестные еврейские стереотипы, а вот рассказать тот же анекдот гою для еврея будет дурным тоном. Более того, если гой расскажет тот же анекдот — неважно, будет слушатель евреем или таким же гоем, — рассказчика могут обвинить

СВЕТЛАЯ СТОРОНА СМИРЕНИЯ

«Привет, милая! Угадай, кто сегодня будет просить прощения у американского народа по национальному телевидению?»

в антисемитизме. Это кажется нечестным — но что поделать, таковы люди.

Другой пример — использование слова на букву «н» — вновь заставляет нас вспомнить печально знаменитое высказывание мэра Наджина. Филолог-афроамериканец Рэндалл Кеннеди в своей провокационной книге «Негр: странная карьера неудобного слова» утверждает, что в наше время многие чернокожие считают это слово проявлением братской любви при общении друг с другом, однако со стороны белого они воспринимают его совершенно иначе. Мэр Наджин — афроамериканец, но, употребляя «шоколадное» слово, он обращался к смешанной публике, поэтому на него обрушились с проклятиями все жители Нового Орлеана — и белые, и черные. Большинство критиков обвиняли Наджина не столько в расистских высказываниях, сколько в попытке посеять распри в рядах новоорлеанцев, причем именно в тот момент, когда всем им особенно важно действовать сообща. В таких вопросах все зависит от контекста: прибереги Наджин свою метафору для выступления с кафедры церкви, куда ходят одни чернокожие, в отсутствие микрофонов и репортеров, — и ее, скорее всего, встретили бы одобрительными смешками.

Правда, некоторые комментаторы убеждены: Наджин прекрасно знал, что говорит и кому — чернокожим избирателям. Хотя публично они могли и возражать против, казалось бы, расистского слова, в душе они испытывали чувство единения. Кстати, впоследствии Наджин легко победил на выборах.

В трагедиях вроде «Катрины» есть нечто, провоцирующее социальную и расовую нетерпимость, а то и пря-

мые столкновения. Высказывание Барбары Буш о бедняках, никогда не живших в условиях лучших, нежели на стадионе «Астродам», вызвало целую бурю протестов. Ее называли бесчувственной, высокомерной защитницей привилегий сытого класса. С этим, конечно, сложно спорить. А вот если бы кто-нибудь из обитателей «Астродома» рассказал репортеру CNN, что раньше ему не приходилось спать в помещениях, оборудованных кондиционерами, и теперь он получает от этого искреннее удовольствие, этот сюжет, мы уверены, не продержался бы в новостях и одного дня.

III

Стратегия искусного маневрирования

*Как пудрить мозги с помощью
неформальных логических ошибок*

Увы, здесь нам вновь придется вернуться к вопросу о том, допускают ли политики логические ошибки намеренно или из-за собственной безграмотности. Мы долго и мучительно размышляли над этим вопросом и, наконец, решили трактовать свои сомнения в их пользу: наверняка каждый из них предпочтет, чтобы его назвали лжецом, а не идиотом.

Cum hoc ergo propter hoc

(Вместе с этим — значит вследствие этого)

Вокруг понятий причины и следствия сформировалась целая ветвь логических уловок. Первая из них, описанная еще Аристотелем, известна как «вместе с этим — значит вследствие этого». Но на латыни эта фраза звучит лучше — *cum hoc ergo propter hoc*, хотя, если вспомнить, Аристотель был греком. Чудны дела твои, Господи!

Вот пример:

Самыми быстрыми темпами детская бедность растет в тех штатах, которые платят самые высокие социальные пособия. А самый низкий рост или даже снижение этого показателя зарегистрированы там, где власти ограничивают материальную помощь семьям с детьми-иждивенцами.

— Гарри Бауэр, консервативный лоббист, президент Совета по семейным исследованиям (Family Research Council), старший вице-президент некоммерческой организации «Главное внимание — семье» (Focus on the Family), утверждая, что социальные пособия стимулируют детскую бедность

В данном случае мистер Бауэр совершает фундаментальную ошибку, не принимая во внимание возможность третьего фактора, — такого как экономическое положение штатов, где уровень социальных выплат и детской бедности колебался. При более подробном рассмотрении оказывается, что в штатах, где росли объемы социальных выплат и детская бедность, средние доходы населения падали или оставались на прежнем уровне; там же, где пособия и детская бедность увеличивались медленнее всего, был зарегистрирован стабильный рост средних доходов. Иными словами, и на социальные пособия, и на уровень детской бедности повлиял экономический кризис. Мы уверены, что мистер Бауэр сожалеет о своем ошибочном рассуждении относительно всех семей Америки.

Однако мистер Бауэр — не единственный, совершивший ошибку *cum hoc ergo propter hoc*. Вспомним хотя бы часто повторяемое утверждение президента Буша, пола-

гающего, что война в Ираке оберегает нашу страну от нападений:

Командующий коалиционными силами в Ираке, который является также старшим офицером этой базы, генерал Джон Вайнс, недавно отлично сформулировал эту мысль: «Либо мы будем иметь дело с экстремистами и террористами за границей, либо они придут в наш дом, и нам придется разбираться с ними здесь».

— Президент Джордж Буш, июнь 2005 г.

Ну, и как же это работает? Может, террористы слишком заняты? Мы уверены, что «Аль Каида» сможет найти еще девятнадцать человек, если решит, что дело выгодно. В любом случае, сложно с уверенностью утверждать, что именно война в Ираке спасает Америку от новых атак. Это как если бы кто-нибудь покрасил свой дом в розовый цвет, чтобы уберечь его от нападения драконов: если бы вы назвали его безумцем, он бы мог заметить, что его тактика до сих пор оказывалась вполне эффективной.

Причина и бедствие

Мелвин умирал. Он был стар, очень стар. Он много страдал в жизни. Труди, его жена, сидела на краю кровати, отирая ему лоб. Они прожили вместе больше семидесяти лет.

— Труди! — обратился Мелвин к жене. — Ты помнишь годы депрессии, когда нам едва-едва хватало денег на то, чтобы выжить?

— Конечно, помню! — отозвалась та. — Ведь я была с тобой все эти годы.

— А помнишь голодные годы после войны, когда я работал на двух работах и еще успевал учиться?

— Разумеется, помню! Я и тогда была с тобой, любимый!

— А когда я потерял работу, ты ведь тоже была рядом?

— Конечно, милый! Я всегда была рядом с тобой. Всегда!

Мелвин, замолчав на несколько мгновений, пристально поглядел на свою любящую супругу.

— Знаешь, Труды... Я думаю, ты приносила мне несчастья!

Post hoc ergo propter hoc

(После этого —

значит вследствие этого)

Post hoc ergo propter hoc — близкий родственник *cum hoc ergo propter hoc*. Об их родственных отношениях несложно догадаться по общей фамилии. Аргумент *post hoc* утверждает, что если событие Б произошло после события А, то именно А является его причиной.

Одна из областей, где легко можно встретить подобные аргументы, — царство статистики, некое явление, описанное цифрами, предстает как причина другого явления, также выраженного в цифрах. В этом ловком приемчике есть своя, особая прелесть: аудиторию завораживает впечатляющая точность статистических данных, и в упоении она даже не замечает, что один набор цифр не имеет никакого отношения к другому:

Десять штатов с самыми низкими расходами на образование в пересчете на одного ученика — Северная Дакота, Южная Дакота, Теннесси и Юта — фигурируют среди десяти штатов, где учащиеся старших классов показывают наиболее высокие результаты на тестах SAT¹. При этом в первой десятке штатов по результатам SAT фигурирует лишь один, занявший также место среди десяти штатов с самыми высокими расходами на образование в пересчете на одного школьника, — Висконсин. Более всего расходует на школьное образование штат Нью-Джерси — там расходы достигают небывалой цифры \$10 561 на ученика; эту цифру используют учительские профсоюзы по всей стране, добиваясь повышения расходов на образование. Какое же место занял штат Нью-Джерси по итогам SAT? Тридцать девятое...

Однако тот факт, что качество школьного обучения... [не зависит от] расходов на образование, не мешает учительским профсоюзам настаивать на том, что деньги здесь — главная переменная. Последняя шаткая линия обороны, которую все еще удерживает наше общественное образовательное лобби, проходит через умы наших сограждан, страдающих от пробелов в образовании.

— Консервативный политический обозреватель Джордж Уилл (Washington Post, 12 сентября 1993 г.)

Прежде чем анализировать аргументацию обозревателя Уилла, мы хотели бы привести слова совсем других людей:

¹ SAT (Scholastic Aptitude Test) — экзаменационные испытания, которые проводятся в выпускных классах средней школы США и включают задания по английскому языку и математике. Результаты этих испытаний используются при приеме выпускников в американские колледжи. — *Прим. пер.*

Существует три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика.

— Бенджамин Дизраэли, раздражительный британский премьер-министр

79,48% статистических данных делается на коленке.

— Джон Паулос, профессор математики

Каждый четвертый человек страдает психическим расстройством. Проверьте трех своих друзей: если с ними все в порядке, значит, это вы.

— Рита Мэй Браун, остроумная феминистка

И вот еще цитата — честное слово, последняя:

Статистика — единственная из научных дисциплин, где разные специалисты, пользуясь одними и теми же цифрами, приходят к совершенно разным выводам.

— Эван Эзар, плодовитый автор афоризмов.

Мысль, которую мы пытаемся до вас донести, известна, пожалуй, всем: используя статистические данные, очень легко прийти к неверным выводам (не зря бытует выражение «ложь со статистикой в руках»). Однако далеко не все знают, что прийти к этим неверным выводам позволяет старый добрый софизм: «после этого — значит вследствие этого». Статистические данные, касающиеся явления А, нам представляют в качестве причины явления Б (также подкрепленного статистикой), которое следует за А. Или же, как в случае мистера Уилла, оратор полагает, что цифры указывают на причинно-следственную связь, тогда как на самом деле ничего подобного они

не демонстрируют. Проблема, разумеется, в том, что два указанных события могут быть вовсе не связаны между собой. Или, как в случае мистера Уилла, статистические данные могут оказаться недостаточными — они не показывают нам полной картины, поскольку в них недостает информации, которая относится как раз к причинно-следственной взаимосвязи.

Дебора Линн в *Journal of Statistics Education* указывает, что мистер Уилл не принял в расчет один существенный фактор, а именно — процент школьников в каждом штате, которые принимали участие в экзамене SAT. На самом деле, большинство государственных колледжей в Северной Дакоте требуют от абитуриентов сдачи другого экзамена — ACT, так что тест SAT сдавало лишь 5% выпускников штата. При этом следует заметить, что среди этих 5% многие собирались поступать в престижные учебные заведения федерального уровня, где требуются результаты SAT. Это ребята, которые достигли значительных успехов в учебе и сочли, что им стоит попытаться замахнуться на большую цель. Для сравнения: в Нью-Джерси SAT сдавали 79% учеников выпускных классов, что, разумеется, дает нам репрезентативную выборку, позволяющую лучше оценить средний уровень школьников. Таким образом, получается, что мы сравниваем итоги сдачи SAT среди наиболее талантливых учеников из Северной Дакоты с результатами, которые продемонстрировали средние учащиеся из Нью-Джерси.

Это все равно что, сравнивая выступление четырех ямайских бобслеистов, представлявших свою страну на Олимпийских играх, со средними результатами бобслеистов США, заключить, что в среднем ямайцы зна-

ЗАБАВНЫЕ ЦИФРЫ

*«Вот краткие тезисы моего выступления.
А вы подберите мне статистику,
подтверждающую мои слова»*

чительно превосходят американцев, и в конечном итоге сделать вывод, что ямайское происхождение увеличивает шансы добиться высоких результатов в бобслее.

Забавно, что, заявляя об отсутствии взаимосвязи между результатами SAT (или «качеством школьного обучения» — Уилл наивно полагает, что это одно и то же) и расходами на образование, Уилл не идет в своих рассуждениях до конца. Он мог бы сделать вывод, пусть совершенно ошибочный, что между этими двумя вещами существует негативная зависимость! Судите сами: четыре штата, где расходы на образование минимальны, показывают наилучшие результаты SAT, а штат, который тратит на обучение школьников более других, по результатам SAT получает 39-е место! Следуя такой логике, Уилл вполне мог прийти к заключению, что наилучший способ обеспечить высокие результаты SAT — это вовсе отменить финансирование школ.

Пагубность ошибок причинно-следственной связи

Иногда, приняв промежуточное событие за исходную причину, вы можете пожалеть, что не привлекли к решению проблемы еще одного специалиста.

Итак, один парень решил пойти к врачу. Он жаловался на чудовищные головные боли, которые мучили его долгие годы, и никакие средства при этом не помогали. Тщательно осмотрев пациента, доктор попросил его сесть и заявил, что у того — редчайшее заболевание: яички давят на основание позвоночника,

из-за чего он и страдает от головных болей. Единственный выход для него — хирургическая кастрация. Парень думал несколько недель и в конце концов решил, что в любом случае не может больше терпеть головные боли, так что он дал согласие на операцию. После нее головные боли исчезли, хотя, разумеется, он все равно пребывал в подавленном настроении. Решив себя хоть чем-нибудь порадовать, он отправился обновить гардероб.

— Я хочу костюм в тонкую полоску, — обратился он к клерку в магазине мужской одежды.

Клерк, бегло взглянув на него, проговорил:

— Гм, размер 42, брюки — 33.

— В точку! — воскликнул парень. — Как у вас это получается?

— Сынок, поработай здесь с мое, так, небось, научишься такие вещи нюхом чують!

Парень попросил подобрать ему к костюму белую рубашку, и продавец тут же отозвался:

— Обхват шеи 16, длина рукава — 34!

— Поразительно! — воскликнул парень, чувствуя, что от общения с продавцом настроение его стало подниматься. — Послушайте, раз уж я сюда зашел, возьму-ка я у вас несколько пар трусов!

— Размер 36! — тут же откликнулся продавец.

— Вот тут вы ошиблись! — воскликнул парень. — Я ношу 34-й!

— Сынок, — отозвался продавец. — Не нужно тебе носить 34-й, иначе трусы будут прижимать яички к основанию позвоночника, и ты от головной боли на стенку будешь лезть!

А вот еще один образчик околополитического бреда двух «политологов» (выделения наши):

*Мы исследовали, как влияет на молодых американцев популярная телевизионная передача «Ежедневное шоу с Джоном Стюартом», специализирующаяся на шутках о политике. Оказалось, что **те, кто смотрел эту передачу и слушал шутки про Джорджа Буша и Джона Керри, более негативно относились к обоим кандидатам**, независимо от того, какой партии они симпатизируют, а также от других демографических особенностей. **Более того, как выяснилось, зрители этой программы в целом более цинично настроены по отношению к американской выборной системе и СМИ в целом.***

— Джоди Баумгартнер, Джонатан Моррис, исследователи, старшие преподаватели факультета политологии Университета Восточной Каролины, в статье «Эффект “Ежедневного шоу с Джоном Стюартом”: оценка кандидатов, эффективность, воздействие на молодежь» (научный журнал *American Politics Research*)

Спасибо Джоди и Джону. Мы догадывались, что это телешоу подрывает устои, но никак не могли разобраться, как именно. Теперь же, от имени публики, далекой от научных кругов, мы попробуем обобщить ваши эксцентричные выводы:

1. Зрители «Шоу с Джоном Стюартом» более циничны, чем, например, те, кто предпочитает программы с Кэти Курик¹.

¹ Известная американская тележурналистка, ведущая вечерних выпусков новостей CBS. — *Прим. ред.*

2. Из этого мы делаем вывод, что «Шоу с Джоном Стюартом» превращает зрителей в циников.

Упс! Вот потрясающий пример *post hoc ergo propter hoc*! Соблазн умозаключения «после этого — значит вследствие этого» связан с тем, что если А действительно стало причиной Б, то Б, очевидно, произошло после А. То, что предполагаемое следствие наступило после предполагаемой причины, — неперенное условие существования причинно-следственной связи. Непременное — да, но не достаточное. Ведь у события Б могут быть и иные причины, совершенно не связанные с А.

Фрикология

Еще один потрясающий пример логической ошибки *post hoc ergo propter hoc* мы находим в знаменитом бестселлере «Фрикономика». (Надпись на обложке предупреждает читателя: «Эта книга потрясет вас». Увы, здесь явно не хватает продолжения: «...изъянами в логике».) Наиболее обсуждаемое явление из серии «после этого — значит вследствие этого» описано одним из авторов книги, экономистом из Чикагского университета Стивеном Левитом. Он выдвигает спорное утверждение, что легализация абортов в результате судебного процесса «Роу против Уэйда» по прошествии примерно 12–17 лет привела к значительному снижению уровня преступности. Левит заявляет, что меньшее количество нежеланных детей, в основном из бедных семей, стало причиной снижения числа потенциальных преступников: ведь дети, которые не нужны своим родителям, чаще становятся

трудными подростками, начинают употреблять наркотики и связываются с преступным миром.

Не будем говорить о политической некорректности такого заявления: это в любом случае не годится в качестве теста. Но аргумент Левита не проходит и другой тест — на достаточность условия: он не принимает в расчет другие возможные причины снижения преступности в соответствующий период — 80–90-е годы прошлого века. К примеру, именно в это время резко пошло на спад употребление крэка, поскольку этот наркотик практически перестал появляться на черном рынкеⁱⁱⁱ.

Выстраивать причинно-следственные связи в мире постоянно меняющихся социальных и культурных реалий чрезвычайно сложно: слишком велико число факторов, которые могут иметь отношение к делу. К примеру, один социолог выяснил, что в те годы, когда в Индонезии случается неурожай риса, люди в Бруклине чаще теряют перчатки. (Похоже, этот социолог скоро станет автором бестселлера.)

Чтобы доказать причинно-следственную связь между просмотром телепередачи, в которой Джон Стюарт насмехается над политиками, и циничным отношением к политике в целом, профессорам Баумгартнеру и Морису следовало бы для начала тщательно опросить значительное число телезрителей до того, как они хотя бы раз посмотрят программу Стюарта, дабы уяснить их начальный уровень цинизма, а затем проверить, изменился ли он после того, как эти зрители стали постоянно смотреть телешоу. Ведь, вполне вероятно (хотя это лишь наша догадка), что зрители Джона Стюарта — циники по жизни.

Мы бы даже рискнули предположить, что цинизм зарождается в них, когда они слушают тот собачий бред, который несут политики в программе Кэти Курик.

Существует множество анекдотов на тему *post hoc ergo propter hoc*. Но наш любимый — вот этот:

Молодой мужчина полюбил еврейскую девушку. Не будучи евреем, он все же сделал ей предложение. Она поставила условие: чтобы жениться на ней, он должен сделать обрезание. Жених отправился к другу-еврею и спросил, есть ли у обрезания какие-нибудь побочные эффекты.

— Когда меня обрезали, мне было только восемь недель, — ответил тот. — Так что я не помню, больно это или нет. Но зато я прекрасно знаю, что после операции целый год я не мог ходить!

Кстати, мы тут провели собственное исследование и выяснили: рацион тех, кто читает *American Politics Research*, содержит избыток насыщенных жиров.

Кому-то из читателей может прийти в голову вопрос: так ли уж цинично на самом деле шоу Джона Стюарта? Чтобы ответить на него, мы предлагаем несколько избранных цитат из передачи:

Невзирая на хвори, Стром Тэрмонд¹ ежедневно являлся на работу и даже в последний свой год в Сенате не пропускал ни единого голосования, хотя никто не знал, что означает его крик «Бинго!» — «за» или «против»?

¹ Бывший сенатор США (1902–2003); работал в Сенате до последнего года жизни, является старейшим сенатором в истории США, а также сенатором, дольше всего занимавшим свой пост. — *Прим. пер.*

Я отпраздновал День благодарения в старых американских традициях. Я пригласил к себе всех соседей, мы устроили грандиозный праздник, а затем я убил их всех и захватил их землю.

Если события 11 сентября 2001 года что-то и доказали, так это то, что террористы могут напасть на нас, но не могут отобрать то, что делает нас американцами: нашу свободу, нашу независимость, наши гражданские права. Все это может отобрать у нас лишь министр юстиции Джон Эшкрофт.

Цинично или нет? Решайте сами!

Аргументы *cum hoc* и *post hoc* обязаны своей привлекательностью нашему поэтическому воображению, делающему человека безбашенным, на строгий взгляд философа. Такие формы расхлябанного мышления получили популярность благодаря мифу, известному как «эффект бабочки». Идея в том, что трепыхание крыльев мотылька способно вызвать минутные атмосферные колебания, которые через цепь причинно-следственных связей в конечном итоге приводят к возникновению торнадо. Даже совсем не глупые физики, которые почитают теорию хаоса, отчасти верят в эффект бабочки, называя его «чувствительностью к начальным условиям», что звучит, конечно, куда менее поэтично.

Однако в массовой культуре эффект бабочки чаще сводится к стенаниям вроде: «О, если бы я мог повернуть время вспять! Я бы выбрал вариант Б, а не вариант А, и, видит бог, моя жизнь изменилась бы к лучшему!» Так было в фильме «Эта прекрасная жизнь»¹, а также в недав-

¹ Голливудская рождественская мелодрама 1946 г., режиссер Фрэнк Капра. — Прим. ред.

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ: НОВЫЙ ПОДХОД

Надписи (слева направо):
«Как работает бумеранг?»,
«О, Боже, мне так одиноко...»

но вышедшей картине под названием — угадаете? — ну конечно же, «Эффект бабочки»! Однако и в этих фильмах, по сценарию, изменяется лишь жизнь главных героев, но не целая Вселенная, как предполагает теория хаоса.

В любом случае, эффект бабочки влияет на наш образ мыслей, подталкивая к вольным толкованиям по поводу возможных причин того или иного события. К примеру, заставляет поверить, что самодельное взрывное устройство, рванувшее в Багдаде, способно изменить погодные условия, породив бурю, из-за которой террорист в Дубае опоздает на самолет до Нью-Йорка. Вот вам и причина оставаться в Ираке!

Ошибки в причинно-следственной связи — лишь верхушка айсберга, огромной ледяной горы алогичных утверждений. Нам следует принимать меры, чтобы избежать их, — для начала, не ныряя слишком глубоко в открывающуюся перед нами пучину.

Недоказуемое предположение

О боже! Неужели под этим подписались наши отцы-основатели?

Мы считаем истиной, не требующей доказательств, что все люди созданы равными, что всех их Создатель наделил неотъемлемыми правами, среди которых — право на жизнь, свободу и стремление к счастью.

— Томас Джефферсон и Ко, Декларация независимости

Прежде чем вскрывать противоречия в этом утверждении, мы, пожалуй, запрем входные двери. А потом сде-

лаем небольшую паузу и поклянемся в верности флагу США. Вообще-то мы думали, что наша преданность родине не требует доказательств, однако в наше время лучшешний раз перестраховаться.

На самом деле то, что Декларация независимости называет «не требующим доказательств», заслуживает внимательного изучения. В буквальном смысле «не требует доказательств» лишь то, что каждому и так ясно. Не надо быть специалистом в области эпистемологии, чтобы догадаться: часто то, что для одного «само собой разумеется», для другого — «бред собачий». К примеру, наш местный шаман считает неоспоримым, что у нас над головами порхают разноцветные эльфы. Мы готовы согласиться с тем, что существование эльфов очевидно *для него самого*, хотя у нас оно все же вызывает сомнения. При этом он может заявить, к примеру, что ради этих бесспорно существующих эльфов мы все должны носить на головах абажуры... хотя, пожалуй, этому умозаключению не хватает убедительности. Он начинает с недостоверного и явно недоказуемого утверждения, и потому все, что из него вытекает, мы ставим под сомнение.

Термин *самоочевидный* мы обычно относим к логическим и математическим конструкциям вроде $2 + 2 = 4$. В принципе, мы можем даже применить его к утверждениям типа «это пальто красное», однако, если никто, кроме нас, глядя на это пальто, не считает его красным, мы можем поставить это утверждение под сомнение (как в случае с разноцветными эльфами). Но хотя мы и считаем величайшей ценностью жизнь, свободу и стремление к счастью и даже готовы рискнуть ради них собствен-

ными жизнями, мы не можем считать эти ценности «истиной, не требующей доказательств» в строгом смысле слова. К примеру, король Георг III не считал их само собой разумеющимися — по крайней мере для колониального сброда.

Как известно, Джефферсон использовал эти якобы самоочевидные права наряду с целым рядом способов, которыми их попирали Георг III, чтобы обосновать революцию. Шаткость утверждения о неотъемлемости этих прав, разумеется, не означает, что революция неоправданна. Мы ведь можем прийти к правильным выводам, используя недостоверные или даже ложные допущения. Если из того, что эльфы существуют, наш местный шаман делает вывод, что $E = mc^2$, данная формула все равно останется истинной. Другими словами (парни из ФБР, записывайте!), мы не оспариваем законности американской революции.

На создание Декларации независимости Джефферсона вдохновил британский философ Джон Локк. В своих «Двух трактатах о государственном правлении» он писал, что «жизнь, свобода, здоровье и собственность» (курсив наш. — *Авт.*) — это дарованные Богом права, которые правительства должны жаловать своим гражданам. Кроме того, утверждает Локк, владение собственностью — это ключ к счастью. Возможно, редакция Джефферсона, написавшего о «жизни, свободе и стремлении к счастью», была связана с тем, что, имея в собственности пять тысяч акров земли вокруг своей усадьбы Монтичелло, Джефферсон был воистину счастливым человеком.

Мы, пожалуй, поостережемся выяснять, что рабовладелец Томас Джефферсон имел в виду, утверждая самоочевидность формулы «все люди рождаются равными». А вот вопроса о том, что предполагал Творец, создавая нас, мы не коснемся даже крылышком эльфы.

Индуктивный пробел (Умозаключение, основанное на неоднозначных свидетельствах)

В I веке до нашей эры политик, философ и оратор Цицерон (106–43 гг. до н. э.) заявил: «Не знать о том, что происходило до твоего рождения, — значит всегда оставаться ребенком». Пару тысячелетий спустя история повторилась, когда гарвардский философ Джордж Сантаяна (1863–1952) озвучил высказывание Цицерона с остроумной поправкой: «Те, кто не помнит своего прошлого, обречены повторить его».

С тех времен много чего было сказано.

Слова Сантаяны повторяли столько политиканов и всевозможных мудрецов, что поисковый механизм Google уже синее от натуги. Добросовестные советчики на разные голоса энергично умоляют нас не повторять историю, скажем, *ввязываясь в войну*, или *повышая налоги*, или *легализуя виски*. Они подробно пересказывают исторические примеры, подкрепляющие их позицию. «Не допускайте этого вновь! — убеждают нас они. — Неужели вы ничему не научились на прошлых ошибках?»

Но затем, к всеобщему удивлению, на сцену выходят другие искренние советчики, которые умоляют нас не повторять ошибок истории, *отказываясь* от вторже-

ния в чужую страну, или понижая налоги, или объявляя употребление алкоголя *незаконным*.

Сантаяна, у нас проблема. Точнее, две.

Во-первых, история — не столь точная наука, как, скажем, изучение горных пород. История куда более вариативна, нежели камни, так что искать в ней точное повторение текущей общественно-политической ситуации — почти безнадежное предприятие. Вспомним общеизвестную истину: история не повторяется. Значит, ждать от событий прошлых лет подсказки для решения сегодняшних проблем, в лучшем случае, рискованно. Именно это, очевидно, имел в виду Гераклит, когда говорил: «В одну реку нельзя войти дважды». От одного момента до другого изменяется масса условий, нравится нам этого или нет, — и это касается не только рек.

Несмотря на это, политики и всевозможные умники, словно дьявол, читающий Библию, расписывают в кра-сках исторические события, делая из одних и тех же фактов совершенно противоположные выводы. Какую историю мы не хотим повторять в Ираке — умиротворение Германии или трясину вьетнамской войны? Судя по тому, к каким результатам приводит «следование урокам истории», люди, считающие себя учениками истории, используют, наверное, настолько неверные аналогии, что это еще хуже, чем просто полагаться на случай.

К этому следует добавить, что с исторической точки зрения историки не всегда заслуживают доверия, так что само основание для изучения исторических уроков весьма шатко. Ученые часто используют ненадежные свидетельства, сомнительные источники и даже — го-

ИСТОРИЯ НА НАШЕЙ СТОРОНЕ!

Надписи (слева направо):

«Экономические показатели падают,
но не спешите расстраиваться! Специалисты по историческим аналогиям
еще назовут это “возвращением к старым золотым денькам”...»,

«Новости и комментарии»

споди, помилуй! — подправляют историю, исходя из тех или иных политических соображений.

Однако у исторического утверждения Сантаяны есть и еще одна небольшая слабость. Само по себе оно не ошибочно, но подразумеваемое заключение делает его логически неверным. Автор подразумевает, что те, кто помнит прошлое, не обречены его повторить. Однако, по-видимому, повторить прошлое в равной мере грозит как тем, кто учит историю, так и тем, кто не обращает на нее никакого внимания. Иными словами, все делают это (повторяют историю), а значит, мы с таким же успехом можем заключить: те, кто помнит прошлое, обречены вновь повторить его.

«Уроки» вьетнамской войны

Политиканы и прочие «говорящие головы» все время толкуют об «уроках Вьетнама». Увы, все они, похоже, имеют в виду совершенно разные уроки. Вот несколько номинантов на звание Самого Прилежного Ученика Истории:

1. Мелвин Лэрд, министр обороны в администрации президента Ричарда Никсона: «Нельзя предавать людей, которые от тебя зависят».
2. Майор Герберт Рэймонд Макмастер, автор книги «Нарушение долга» (Dereliction of duty): «Командиры воинских частей не должны нарушать закон из-за сомнений в позиции президента по вопросу о войне».

3. Фрэнсис Терри Макнамара, бывший посол, автор книги «Достойный выход» (Escape with Honor): «Нельзя удирать сломя голову».
4. Колин Пауэлл, бывший председатель Объединенного комитета начальников штабов, бывший госсекретарь, заявивший в «Доктрине Пуэлла»: «Военные действия должны применяться в качестве крайнего средства и только в том случае, если существует явная угроза национальной безопасности. При использовании военной силы удар должен быть сокрушительным, а наши силы должны значительно превосходить силы противника. При этом общество должно активно поддерживать военные действия, а мы должны иметь ясную стратегию отхода».
5. Президент Джордж Буш: «Один из уроков (Вьетнама) заключается в том, что мы всегда стремимся достигнуть мгновенного успеха в мировых масштабах, тогда как миссия в Ираке займет некоторое время... Мы победим, если не уйдем».
6. Кит Олберманн, игровое шоу Countdown, MSNBC: «Если вы хотите продолжения войны, которая уже истощила нацию, то вам конец».

И победителем объявляется... па-ба-ба-бам! — никто из вышеперечисленных! Побеждает администрация Джорджа Буша, поскольку (и здесь их заявление мы слегка перефразируем), чтобы уменьшить общественное сопротивление войне, не надо объявлять воинский призыв!

Аналитико-синтетическая подтасовка

Один из величайших логиков нашего времени, президент Джордж Буш-младший, наверняка читал «Критику чистого разума» Канта. (Да кто мы такие, чтобы сомневаться в том, что президент перечитал кучу умных книг?) Так или иначе, он сумел совершить то, что мы традиционно называем аналитико-синтетической подтасовкой:

Если иракский режим сумеет произвести, купить или украсть кусок высокообогащенного урана размером с мяч для игры в софтбол, он менее чем за год может получить в свои руки ядерное оружие.

— Президент Джордж Буш, 7 октября 2002 г.

Правильно, Джордж. Если бы да кабы, то во рту б росли грибы. Но, увы, грибы во рту не растут.

В статье в онлайн-издании *CounterPunch* от 8 октября 2002 года Роберт Дженсен объясняет, почему провокационное утверждение президента совершенно бессмысленно. По его словам, это все равно что сказать: если бы у Ирака было ядерное оружие, то у него было бы ядерное оружие, — ведь наиболее сложный и длительный этап изготовления атомного оружия относится как раз к получению расщепляющегося материала.

Другими словами, Дженсен заявляет, что президент пытается выдать *аналитическое суждение за синтетическое*. (Это философский жаргон.)

Объясняем человеческим языком: *аналитические суждения* верны по определению. «Все сенаторы США принадлежат к законодательной ветви государственной

власти» — это *аналитическое суждение*. Оно не дает никакой информации о сенаторах, помимо той, что у нас есть и так. Может ли кто-нибудь из членов Сената не принадлежать к законодательной власти? Ни в коем случае: все сенаторы принадлежат к ней по определению. А вот суждение «В 1924 году сенаторами были исключительно белые мужчины» — *синтетическое*. Оно преподносит нам новую информацию о составе Сената в соответствующем году, рассказывает о том, что могло сложиться совершенно иначе, — и складывается иначе вот уже несколько десятилетий.

Как развивает эту мысль Дженсен, анализируя выступление президента? Он утверждает, что слова Джорджа Буша сводятся к следующему: «Ирак мог бы быстро изготовить ядерную бомбу, если бы имел все необходимое для того, чтобы быстро изготовить ядерную бомбу». Верно по определению. Это как в шутке из старого водевиля:

Она: парень на третьей базе — потрясающий игрок!

Он: Ха, если бы я умел так играть, я тоже был бы потрясающим игроком!

Зачем же президент Буш пытается скормить нам столь неинформативное суждение? Быть может, в своем стремлении найти повод для вторжения в Ирак он решил заняться риторическими подтасовками? Его утверждение звучит как содержательное, и действительно пугает публику до дрожи, так что кто-нибудь и вправду может склониться в пользу упреждающего удара.

Однако президент на этом не останавливается. Он продолжает плести словесные кружева, указывая точное

количество необходимого высокообогащенного урана: не больше чем какой-нибудь мяч для софтбола!

Возможно, и правда, кусок высокообогащенного урана размером с мячик заполучить проще, чем целый грузовик, а может, и нет. Президент не дает нам этой информации — впрочем, может, он и сам этого не знает. А правда, так ли это просто? Насколько мы знаем, заполучить бриллиант «Надежда»¹, размером куда меньше мячика для софтбола, весьма проблематично. Дело не в том, что Буш лжет насчет смертельной опасности, которая исходит от неуравновешенного национального лидера, нуждающегося лишь в небольшом количестве расщепляемого материала, чтобы изготовить бомбу. Нельзя сказать, что он так уж неправ. А вот что можно сказать с уверенностью, так это то, что он пудрит нам мозги.

¹ Крупнейший в мире голубой бриллиант. — *Прим. пер.*

IV

Стратегия «Звездного пути»

*Как пудрить мозги,
создавая альтернативные вселенные*

Ничто не демонстрирует мужество политиков и обозревателей лучше, чем их поведение в тот момент, когда их ловят на противоречиях. Да, иногда они готовы признать, что «допущены ошибки», — очень заковыристая формулировка, которая аккуратно обходит вопрос, кто конкретно совершил эти ошибки. Иногда они заявляют: «Я оговорился» — традиционное неврологическое оправдание, ведь такое может случиться с любым бедолагой, в чьих нейронных цепочках неожиданно включился неправильный синапс. Однако истинные непреклонные храбрецы не прибегают к столь жалким уловкам. Нет, они обращаются к высшему авторитету, апеллируя к определению истины. В соответствии с подправленным ими — к лучшему, конечно же, — определением они не ошибались и не допускали оговорок. Нет, они говорили абсолютную правду — какой ее видят далеко-далеко, в одной далекой галактике.

Новое определение истины

Вот вам пример эпистемологической контратаки от мастера уверток, бывшего президента Рональда Рейгана:

Мы не продаем — повторяю, не продаем — оружие или что бы то ни было еще в обмен на заложников, и не собираемся этого делать.

— Президент Рональд Рейган, 13 ноября 1986 г.

Должен сказать, что никогда не собирался иметь дело с Хомейни, продавая ему оружие в обмен на освобождение заложников.

— Президент Рональд Рейган, 6 декабря 1986 г.

Несколько месяцев назад я заявил американскому народу, что мы не продаем оружие в обмен на заложников. Мое сердце, мои лучшие чувства подсказывают мне, что это правда, но факты и свидетельства говорят об обратном.

— Президент Рональд Рейган, 4 марта 1987 г., после того как в руки репортеров попала информация, доказывающая, что Рейган действительно продавал оружие в обмен на освобождение заложников

Извинения, которые принес президент Рейган за обман по поводу обмена оружия на заложников, способны вызвать тревожащий когнитивный диссонанс даже у самых тупоумных. Великий пропагандист лопочет, словно мальчишка-школьник, доказывающий учительнице, что на самом деле он не окунал косички Мэри в чернила, он просто чуть-чуть их обмакнул, хотя совсем не хотел

ТЕНЬ ЗНАЕТ

*«Американцам не следует уделять слишком много
внимания скандалу с продажей оружия Ирану!»*

этого делать. И мальчишка, и мистер Рейган при этом надеются, что небольшая нестыковочка как-нибудь проскочит незамеченной, если улыбнуться и подмигнуть — то бишь прибегнуть к *argumentum ad misericordiam*, или «апелляции к сочувствию». Мол, «хватит уже, а? Я же на самом деле не хотел этого делать, понимаете?»

Но, может быть, мы недооцениваем мистера Рейгана? Может, он говорил то, во что искренне верил, указывая на противоречие между истиной, которую вещали ему сердце и лучшие чувства, и опять-таки истиной, о которой сообщали факты и свидетельства, пусть даже одна истина противоречила другой? Но если в этом и впрямь был какой-то смысл, почему бы ему не предложить нам хоть какой-то альтернативный — и, возможно, лучший — способ решить, где же правда?

А вот еще один пример — палеонтолог Маркус Росс, чья докторская диссертация была посвящена мезозаврам — морским рептилиям, исчезнувшим в конце Мелового периода, примерно 65 миллионов лет назад. При этом доктор Росс — креационист, то есть полагает, что в Библии приводится буквальное описание создания Вселенной, и что возраст Земли не превышает 10 тысяч лет. Когда его спросили, как он совмещает столь разные взгляды, он ответил, что теории и методы палеонтологии — это одна парадигма познания прошлого, а Священное писание — другая. Иными словами, Росс ухитрился проделать трюк, который большинство философов полагали невозможным: в его мировоззрении уживаются две совершенно противоположные идеи. Он использует две разные парадигмы для определения истины, и то, что истинно в одной парадигме, может оказаться

ложным в другой. Подобный релятивизм нам нечасто доводилось встречать среди религиозных фундаменталистов.

Возможно, президент Рейган имел в виду нечто вроде сказанного доктором Россом: сердце и чувства — это одна из его парадигм, а факты и свидетельства — другая. Но если вы, узколобые репортеришки, ограничиваетесь публикацией фактов и свидетельств — что ж, это ваше право.

Теории истины

Англоязычные философы часто обвиняли своих французских коллег в неточности и вообще в глупости. К примеру, по мнению британского логика-позитивиста Альфреда Джулза Айера, Жан-Поль Сартр вообще не может считаться философом, потому что он посвятил свою профессиональную жизнь размышлениям о непознаваемых вещах — таких как природа сущего, бытие и небытие. Бывшего президента Франции Жака Ширака, возможно, утешает тот факт, что Айер уже перешел из бытия в небытие: ведь он бы наверняка камня на камне не оставил от фантастической теории самого Ширака, касающейся природы истины:

Я бы сказал, что в нынешней ситуации [в Иране] опаснее всего не вопрос наличия ядерного оружия — если у Ирана через некоторое время будет бомба, а может, и две, это, я думаю, не слишком опасно.

— Президент Франции Жак Ширак, в интервью в понедельник

Франция, как и все международное сообщество, не приемлет перспективу обладающего ядерным оружием Ирана.

— Заявление из офиса Жака Ширака несколько часов спустя, в котором, в частности, осуждалась «позорная кампания» по поводу предыдущего комментария Ширака и выдвигались обвинения в адрес американских СМИ, «готовых использовать любой предлог для нападок на Францию».

Мне надо было следить за тем, что я говорю, и понимать, что мои слова могут быть записаны и попасть в печать.

— Президент Франции Жак Ширак, в следующий вторник

Итак, стоило нам подумать, что новых теорий истины более не предвидится, как на сцену вышел мсье Жак со своим чудесным заявлением. Но прежде остановимся на работах его предшественников, оставивших след в истории западной философии. Существует корреспондентная теория истины, понимаемой как соответствие. Ее выдвинули британские философы XX столетия Бертран Рассел и Джордж Эдвард Мур. По их мнению, утверждение истинно лишь в том случае, если ему соответствуют какие-либо реальные факты. К примеру, утверждение «кошка лежит на коврике» — правда, лишь если на коврике действительно лежит кошка.

Еще существует когерентная теория истины, понимаемой как согласованность. Ее придерживался американский философ XX века Хилари Патнэм. Он считает, что утверждение правдиво лишь тогда, когда оно явля-

ется частью «стройной и непротиворечивой» системы взглядов. Эту идею осознать куда труднее. Так, если верить этой теории, утверждение «кошка лежит на коврикe» истинно лишь в том случае, если оно вытекает из целой системы взглядов, признанных правильными. К примеру, оно истинно, если считать, что «все объекты существуют в пространственно-временном соотношении друг с другом», или в то же время, что Джо Димаджо был самым ценным игроком американской бейсбольной лиги в 1941 году. Уф! Последний пример кажется странноватым лишь потому, что утверждение «кошка лежит на коврикe» действительно вполне совместимо с уверенностью в статусе Димаджо в 1941 году. В самом деле, с чего бы им не быть совместимыми? Штука в том, что если бы они противоречили друг другу, как иногда бывает с постулатами (например, утверждение, что наиболее ценным игроком национальной футбольной лиги в 1941 году стал Тед Уильямс, несовместимо с представлением о том, что этим титулом обладал Димаджо), то одно из них оказалось бы ложным. Здесь вам лучше поверить нам на слово.

Существует еще и прагматическая теория истины, которую связывают с именами американских философов XIX столетия Чарльза Сандерса Пирса и Уильяма Джеймса. Согласно ей, любое допущение верно лишь в том случае, если основанное на нем действие ведет к нужному результату. Таким образом, утверждение «кошка лежит на коврикe» истинно лишь в том случае, если оно никоим образом не заставит меня действовать себе во вред. Если же уверенность в том, что «кошка лежит на коврикe», подтолкнет меня к предположению, которое при-

ведет к нежелательным результатам (к примеру, наклонившись потискать якобы кошку, я получу ожог руки третьей степени), мне, вероятно, придется пересмотреть свои представления о том, действительно ли на коврике лежит именно кошка.

И вот среди этого многообразия появляется президент Ширак и предлагает собственную теорию истины. Страна, давшая миру Декарта и Паскаля, предложила нам новое, уникальное определение правды, согласно которой слова, сказанные перед журналистами, истинны лишь в том случае, если могут быть «записаны и попасть в печать». Если верить этой теории, слова «кошка лежит на коврике» будут правдой лишь в том случае, если они соответствуют официальному внешнеполитическому курсу Франции.

Если верить мистеру Шираку, единственная сложность с его первым, беззаботным заявлением по поводу ядерного оружия у Ирана заключалась в том, что оно не было предназначено для широкой публики. Согласно французской внешнеполитической доктрине, наличие у Ирана ядерной бомбы неприемлемо, и поэтому СМИ не должны публиковать ничего, что противоречило бы этой позиции. *Vive la vérité!*¹

(Признаемся: мы исходим из того, что любая правда достойна быть обнародованной. Однако эту позицию не разделяют многие правительства, не только во Франции, но и гораздо ближе.)

¹ Да здравствует правда! (фр.).

ФРИТЮР ПО-ФРАНЦУЗСКИ

На карте: «Я знаю, когда промолчать»

Ложь во спасение

Вселенная невинной лжи знакома каждому из нас. В ней обитают утверждения, которые нельзя считать правдивыми, но и наглым враньем их не назовешь. Они как бы существуют в другом мире. «Как себя чувствуешь?» — «Отлично, спасибо!» Переведем: «Вообще-то у меня ноют мозоли, но я не хочу касаться этой темы. Ну, а в целом у меня все отлично. Да, можно сказать, отлично». А вот пример невинной лжи от помощника президента Рейгана Майкла Дивера — на вопрос о том, как отреагировал президент на ратификацию Конгрессом продажи самолетов Саудовской Аравии, он ответил: «Президент сказал: “Слава богу!”»

На самом деле президент сказал: *«Господи, я как будто только что высрал ананас!»*^{iv}.

В этой фразе сквозила по-домашнему милая непринужденность, но мистер Дивер рассудил, что она прозвучала бы как-то не по-президентски, и заменил ее менее запоминающимся, но более духовным «Слава богу!».

Хотя обычно мы ратуем за правду, в данном случае мы считаем, что мистер Дивер сработал просто отлично. По крайней мере, нам приходилось слышать куда менее удачные образчики лжи во спасение — к примеру, от Билла Клинтона, который с подкупающей искренностью заявил: «Я с детства слышал о закрытых выборных партийных собраниях в Айове и поэтому очень хочу выступить там удачно». Однако история ему противоречит: закрытые собрания членов партий для выдвижения кандидатов и обсуждения политических вопросов в Айове начали проводить, когда Клинтон уже учился в универ-

ситетской магистратуре, а поскольку он был не по годам развитым юношей, то к тому времени определенно уже вырос из коротких детских штанишек. Или возьмем Альберта Гора, рассказывавшего, что мама в детстве указывала его под песню Look for the Union Label¹, которая в действительности была написана, когда Альбертику исполнилось двадцать семь. Теперь любой желающий может поставить мистеру Гору в вину, что маме пришлось петь ему колыбельные слишком долго после того, как он вышел из соответствующего возраста.

Опасности, которые таит в себе невинная ложь, иллюстрирует история Эллис Грейсон:

Эллис должна была испечь торт для благотворительной распродажи, которую устраивал женский комитет в местной баптистской церкви, однако совершенно забыла об этом и вспомнила лишь в самую последнюю минуту. Между тем для Эллис этот торт был чрезвычайно важен, поскольку ей очень хотелось произвести благоприятное впечатление. С присущей ей фантазией она осмотрела каждый уголок дома, пытаясь на скорую руку изобрести какую-нибудь замену. Наконец, в уборной ей на глаза попался рулон туалетной бумаги. Она плюхнула его на блюдо и залила толстым слоем глазури. Результат выглядел великолепно. Перед тем как отправиться с тортом в церковь, а затем и на работу, она разбудила дочь, дала ей денег и строго наказала прийти на распродажу к самому началу, в половине десятого, купить

¹ Рекламный джингл американского Профессионального союза женщин-швей, призывавший покупать продукцию, произведенную членами профсоюза. — *Прим. пер.*

торт и отнести домой. Но когда дочка Эллис пришла на распродажу, она обнаружила, что красавец-торт уже продали. Услышав об этом, Эллис была в ужасе: теперь все узнают о том, что она сделала!

На следующее утро, однако, Эллис решила, что постарается не думать о своем торте, а лучше отправится на светский званный обед в доме одной из своих товарок из церковного комитета и с удовольствием проведет время. На обеде действительно собрался весь цвет местного общества, за столом подавали изысканные блюда, однако на десерт, к ужасу Эллис, был подан тот самый злополучный торт! Эллис почувствовала, как кровь отхлынула от ее щек. Она уже готова была встать и признаться во всем, но не успела подняться на ноги, как супруга мэра воскликнула:

— Какой прекрасный торт!

И Эллис услышала, как хозяйка с гордостью ответила:

— Спасибо! Я сама его испекла!

Думаем как все

Старый философ по имени Аноним как-то изрек мудрую мысль: «Выбирая слово, выбираешь мир». Он имел в виду, что термины, с помощью которых мы описываем то или иное явление, задают способы их осмысления. С готовностью усваивая общепринятые взгляды, которые скормливают нам политики и щелкоперы, мы помогаем им создавать альтернативную вселенную языкового общения, которая определяет, что мы можем сказать по обсуждаемой теме, а что — нет.

СТАРАЯ ДОБРАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ЗАМАНИТЬ
И ПОДМЕНИТЬ

*«Это была не ложь, сенатор,
по большому счету это была правда»*

(Монтаж «Ежедневного шоу с Джоном Стюартом»)

Он [Керри] далек от большинства

— Fox News

[Керри] далек от большинства

— Спикер из лагеря Буша

Он так далек от большинства

— Директор по коммуникациям кампании Буша —
Чейни

Он очень далек от большинства

— Линн Чейни

[Керри и Эдвардз] очень далеки от большинства

— Стратег Республиканской партии

*Мне кажется, я начинаю думать, что [Керри и Эдвардз]
далеки от большинства!*

— Джон Стюарт

Как общепринятые представления становятся общепринятыми? Как объяснил нам Стюарт, обычно все начинается с темы разговора. Партия А решает, какими, на ее вкус, должны быть наши представления о кандидате от партии Б, и подбирает соответствующие нелестные ярлыки, которые начинают столь часто мелькать в прессе, что неизбежно впечатываются в наше сознание. Журналисты с готовностью подхватывают их, поскольку это позволяет им подбирать забористые темы для статей. Да и мы, публика, с готовностью цепляемся за эти ярлыки — они ведь такие броские и так легко запоминаются!

И, что еще важнее, усвоить их куда проще, чем думать самому.

Как писал эссеист Луи Менанд в статье «Занимательная история цитат» (Notable Quatables) в журнале *New Yorker*, во многих популярных цитатах броскость важнее точности. Шерлок Холмс никогда не говорил: «Элементарно, дорогой Ватсон!» И Ильза, героиня Ингрид Бергман из «Касабланки», не просила: «Сыграй еще раз, Сэм!» Хорас Грили¹ не говорил: «Иди на Запад, молодой человек!», а Патрик Генри не восклицал: «Дайте мне свободу, или дайте мне смерть!» И, что самое обидное, Лео Дэрошер² вовсе не заявлял: «Хорошие парни всегда проигрывают». На самом деле Дэрошер сказал: «Хорошие парни все здесь, на седьмом месте!» Однако в этой фразе явно нет того, что делает ее запоминающейся. Настоящая фраза Дэрошера не поет, в ней нет поэзии, и к тому же она слишком затянута. Как выражаются опытные политики: «Дайте мне зацепку, или дайте мне грязи!»

И вот мы, безликие народные массы, сами того не ведая, вступаем в заговор СМИ, присоединяясь к их словесным играм. Когда речь заходит о Буше, мы говорим, что он «примитивен». Будто роботы, подчиняющиеся голосовым командам, мы называем Обаму «недостаточно

¹ Американский журналист, политический деятель, издатель газет. — Прим. пер.

² Знаменитый американский бейсболист и спортивный менеджер. — Прим. пер.

опытным», Чейни — «Дартом Вейдером» и «истинным президентом», Хиллари — «стервой», а Билла — «легкомысленным» и «недисциплинированным». Неважно, есть ли в этих ярлыках хотя бы грамм правды: если бы они не находили у нас отклика, они бы не срабатывали. Беда в том, что они заменяют нам собственные мысли. Разумеется, Кэлвин Кулидж был не только «молчаливым», а Никсон — не просто «хитрецом». Ну, хорошо, последнюю фразу можно вычеркнуть.

Традиционные представления: классический способ усвоения

Обратимся вновь к нашим друзьям из мифического армянского радио:

Радиослушатель: Что такое «обмен идеями»?

Правительственный чиновник: Это когда вы заходите в кабинет комиссара с собственной идеей, а выходите оттуда — с его.

Общепринятые заблуждения

В статье в *Los Angeles Times* Майкл Мэй задается вопросом: почему правительственные эксперты практически никогда не способны предугадать масштабные геополитические события — такие как распад Советского Союза или превращение Китая в мощную капиталистическую державу? В итоге он делает вывод: всему виной общепринятые стереотипы. Никто не задается правильными вопросами, поскольку их нет в повестке дня. Пока

наше правительство пыталось предугадать, сумеют ли Советы создать ядерное оружие первого удара, СССР развалился на части. Ну, а если бы какой-нибудь несчастный аналитик все-таки предсказал развал Советского Союза, его просто проигнорировали бы.

Если вам нужны еще примеры того, как общепринятые воззрения мешают нам мыслить нешаблонно, вот вам такая история:

Иисус, как обычно, прогуливался по небесам и вдруг заметил седого, морщинистого старичка, сидевшего в уголке с самым несчастным видом.

— Дедушка, посмотри вокруг: ты на небесах! — ласково обратился к нему Иисус. — Тебя греют солнечные лучи, ты можешь есть все что захочешь, играть на любых музыкальных инструментах — ты должен сиять от счастья! Что же тебе не нравится?

— Понимаете, на земле я был плотником, — ответил тот. — И у меня был сын, которого я очень любил. Но я потерял его, когда он был еще совсем юным. И когда я попал сюда, на небеса, мне больше всего хотелось встретиться здесь с ним.

На глаза Иисуса навернулись слезы.

— Папа! — воскликнул он.

Старик вскочил и, рыдая от счастья, вскричал:

— Буратино!

Этот анекдот кажется нам смешным, поскольку мы, читатели, следуем общепринятому ходу мыслей и поэтому попадаем в приготовленную для нас автором ловушку.

Пустые принципы

Еще одна крайне полезная альтернативная вселенная — это вселенная Пустых Этических Принципов — идеалов возвышенных, но при этом столь абстрактных, что с их помощью можно оправдать любое действие — или бездействие. Именно так действовал Джордж Буш, предлагая объяснение наложенного им вето на государственное финансирование исследований стволовых клеток эмбрионов:

Отбирать человеческую жизнь в надежде спасти другую человеческую жизнь — неэтично.

Наш главный специалист по этике приковал к себе наше внимание последним словом своей речи, ведь этика — наша главная слабость. Она занимает в наших душах теплое местечко по соседству с «Ред-Сокс», «Фоли-Бержер» и другими милыми нашему сердцу вещами.

Но, увы, мы учились в школе задолго до того, как детей бросили на произвол образовательной реформы¹, что не дает нам как следует насладиться заявлением Этика (как он сам себя называет). В частности, мы вспоминаем труды велеречивого немецкого зануды XVIII века, Иммануила Канта.

Старина Кант полагал, что рациональные этические действия должны быть основаны на принципах, или максимах, «которые вы хотели бы видеть в качестве уни-

¹ «Ни одного отстающего ребенка» (No Children Left Behind) — название указа об образовательной реформе, подписанного Джорджем Бушем и до сих пор вызывающего неоднозначное отношение американцев. — Прим. пер.

версальных законов», и что это «единственное условие, при котором ваши желания и стремления не будут вступать в конфликт друг с другом». К сожалению, мы вынуждены признаться, что наш немецкий оставляет желать лучшего (Salzkartoffel¹ и “Gerstensaft”² — вот, фактически, и все наши познания) и Кант, даже в переводе, представляется нам непролазным глубокомысленным *Kartoffel*. Однако одно он неплохо подметил: если вы оправдываете некое действие каким-либо абсолютным принципом, другие ваши действия также должны ему соответствовать. Кстати, насколько мы помним, наш вожатый в дружине скаутов-волчат³ учил нас тому же.

Как же нам, в таком случае, поступить с тем фактом, что наш принципиальный Джордж в бытность губернатором Техаса налево и направо подписывал указы о смертной казни? Он не стеснялся говорить журналистам, что высшая мера наказания — это средство утешения, которое помогает предотвращать убийства и изнасилования. Черт возьми, это звучит так, как будто Буш исповедует принцип: «Мы имеем полное право отбирать человеческую жизнь в надежде спасти другую человеческую жизнь». По крайней мере, это никак не сочетается с заявлением о том, что «отбирать человеческую жизнь в надежде спасти другую человеческую жизнь — неэтично», ибо звучит как полная противоположность ему.

Хотя, возможно, все это лишь мелочные придирки? Применять абстрактные этические принципы к конкрет-

¹ Отварной картофель. — *Прим. пер.*

² Ячменное пиво. — *Прим. пер.*

³ Младшая скаутская дружина, состоящая из ребят в возрасте 8–10 лет. — *Прим. пер.*

ным этическим проблемам — дело ненадежное и рискованное, об этом вам скажет даже знаток медицинской этики. Лишний раз убедиться в этом мы можем на примере доктора из следующей истории:

Женщина в кабинете врача неожиданно восклицает:

— Доктор, поцелуйте меня!

Врач, взглянув на нее, отвечает, что это противоречило бы его этическому кодексу.

Проходит минут двадцать. Женщина вновь требует:

— Доктор, ну поцелуйте меня, хотя бы один раз!

Он вновь отказывается, извиняющимся тоном объясняя, что, будучи врачом, не может себе этого позволить.

Однако еще через двадцать минут пациентка снова умоляет:

— Доктор, ну пожалуйста, ну всего один разочек!

— Послушайте, — отзывается врач — мне очень жаль, но я действительно никак не могу поцеловать вас. На самом деле, наверное, мне и спать с вами не стоило.

Подумав, мы решили, что, возможно, неверно судим о поступках Буша. Вероятно, он вовсе не кантианец, а марксист — последователь Гручо Маркса, чей краткий этический кодекс мы никогда не устанем цитировать: «Таковы мои принципы; если они вам не нравятся, у меня есть другие».

ВЕРНЫЙ СПОСОБ
БЫТЬ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫМ

*«Свои основные убеждения я всегда записываю на ладони —
так мне проще с ними сверяться»*

Урок для продвинутых

*Как пудрить мозги,
используя формальные логические ошибки*

Когда в детстве матери уговаривали нас следить за своими словами, мы, возможно, восприняли их советы слишком буквально и, в конце концов, окопались в раю для современных философов — царстве Формальной Логики, где буквально каждое слово требует серьезного обдумывания. Нужно, однако, заметить, что не для всех это рай.

Для тех же, кто не задумывается о своих словах, мы предлагаем дополнительную главу, посвященную формальным ошибкам в дедуктивной логике. Надо сказать, именно такого рода ошибки позволяют политиканам делать самые неудачные умозаключения, однако, чтобы в подобных случаях выявить подвох, нам придется как следует пораскинуть мозгами. Внимание: если сочтете нужным читать эту главу вслух, рекомендуем делать это подальше от ушей родных и близких, лучше — в комнате, где стены, пол и потолок обиты мягким звуконепроницаемым материалом.

Неверное преобразование

Вольное обращение с логикой дает политиканам и их приспешникам столько возможностей для лжи, что уследить за каждым случаем, пожалуй, проблематично. Вот почему они вечно таскают с собой пособия по логическим трюкам. В них вы совершенно точно найдете схему «двойного перевертыша», пожалуй, самого хитрого из возможных трюков:

Тэвис Смайли (интервьюер): Как вы ответите тем, кто в ходе кампании будет спрашивать вас: как вы, человек, не служивший в армии, можете стать компетентным главнокомандующим?

Эл Шарптон¹ (интервьюируемый): Я думаю, что факт службы в армии еще не делает человека компетентным главнокомандующим.

Если разобрать это высказывание, то количество разных уровней интерпретации окажется больше, чем вариантов трансформации в кресле-реклайнере фирмы La-Z-Boy, так что мы, пожалуй, обозначим их номерами:

1. С первого взгляда ясно, что почтенный Шарптон отвечает не на тот вопрос, который задал ему мистер Смайли. Мы знаем, что Шарптон — человек весьма неглупый, и поэтому сильно сомневаемся, что эта подмена сути была случайной. Но тогда зачем Шарптон так поступил?

¹ Знаменитый баптистский проповедник, радиоведущий, защитник прав чернокожих и сексуальных меньшинств. В 2004 г. выдвигал свою кандидатуру на выборах президента США. — *Прим. пер.*

2. Интересное объяснение, которое, кстати, поддержали некоторые политобозреватели в своих блогах, заключается в том, что на самом деле преподобный Шарптон дал достойный отпор попыткам Смайли совершить логическую ошибку, используя неверное отождествление, — один из самых страшных грехов для изучавших труды Аристотеля. Этот ложный вывод вытекает из ошибочной логической схемы: если А, то Б; следовательно, если не А, тогда и не Б. Это все равно что утверждать: если Усама жив, то он в Тора-Бора, значит, если он мертв, то он находится в каком-нибудь другом месте. На самом деле две части этого утверждения не имеют друг к другу никакого отношения, и преподобный Шарптон совершенно справедливо указал мистеру Смайли на распространенную логическую ошибку.
3. Но постойте! Коль скоро Шарптон хотел поймать Смайли на ошибочности рассуждений, он должен был полагать, что тот заявил: «Если человек не служил в армии, он не в состоянии исполнять обязанности главнокомандующего (что Смайли, собственно, и предположил), а значит, если человек служил в армии, он в состоянии быть главнокомандующим (чего он как раз не говорил и даже не предполагал)».
4. Итак, что произошло? Поскольку Смайли определенно не заявлял, что любой бывший военнослужащий достаточно квалифицирован для поста главнокомандующего, чего же добивается

Шарптон? Неужто он хочет заставить нас думать, что другие кандидаты, которые, в отличие от него, *служили* в армии, — к примеру, Джон Керри, — на посту главнокомандующего окажутся столь же некомпетентными, как и он? И что, следовательно, мы с тем же успехом можем голосовать за Шарптона?

Несомненно, это будет яркий и запоминающийся лозунг для избирательной кампании: «Голосуйте за меня — я столь же некомпетентен, как все остальные!» На наши голоса он тогда твердо может рассчитывать.

5. А может быть, преподобный намекает (хотя и весьма витиевато), что обладает иными качествами, необходимыми компетентному главнокомандующему, и что они куда важнее службы в армии?

Ложная посылка в обоснованном доказательстве

Одна из самых действенных тактик мастеров риторических атак и контратак — незаметно подбросить ложную посылку в блестяще обоснованное доказательство. Не отсюда ли происходит выражение «ослепить фальшивым блеском»?

Если [перчатка] не в пору — свободу без разговору!

— Покойный адвокат Джонни Кокран, защищавший О'Джея Симпсона в процессе по обвинению в убийстве, в заключительном обращении к суду

Это двустипшие Кокрана весьма остроумно и врезаются в память не хуже самых ярких образчиков телерекламы. Но логично ли оно? Отнюдь.

Для начала — предыстория. Перчатка, о которой идет речь, была обнаружена рядом с местом убийства и стала одним из предметов, которые обвинение считало косвенными свидетельствами, доказывающими причастность Симпсона к убийству. Обвинение провело экспертизу, по итогам которой эксперт заявил, что, будь перчатка *в лучшем состоянии*, она вполне подошла бы Симпсону по размеру. Однако на момент судебного заседания перчатка была безнадежно испорчена: она вымокла в крови, ее изрядно потрепали в лаборатории, она неоднократно замораживалась и вновь оттаивала, так что обвинение активно противилось требованиям защиты, чтобы Симпсон ее примерил. Тем не менее под давлением Кокрана прокурор, наконец, сдался. Симпсон попытался надеть перчатку — поверх другой, латексной, чтобы сохранить ее в неизменном виде, — и она, разумеется, не подошла по размеру, по крайней мере в тогдашнем состоянии и в соответствующих обстоятельствах.

И все! Ораторский гений Кокрана проявился не только в запоминающейся стихотворной строке, но и в метафорическом призыве: если весь комплект косвенных доказательств не годится (то есть не соответствует необходимым стандартам достоверности), значит, подсудимого следует оправдать (поскольку имеются обоснованные сомнения в его виновности).

Однако на самом-то деле Кокран всего-навсего незаметно подсунул слушателям ложную посылку под видом логически обоснованного отрицания следствия. Как лю-

бое справедливое утверждение, отрицание следствия неизбежно приводит к правильному выводу, но только в случае, если в его основе не лежит ложная посылка. Как это? Чтобы разобраться, вспомним, что отрицание следствия схематически выглядит так: если А, то В. Если не В, значит, и не А. Или более подробно: «Если Маффи — кошка, значит, она животное. Маффи — не животное, значит, она не кошка». Законно, как новенькие водительские права, не так ли?

Итак, Кокран заявил следующее:

- А. Если Симпсон — убийца, перчатка, найденная на месте преступления, должна подойти ему по размеру.
- Б. Тем не менее перчатка ему не подходит.
- В. Значит, Симпсон не убийца.

Утверждение *правомерное*, однако это не значит, что оно приводит к *правильному выводу*. Убедительные логические конструкции напоминают компьютер: если ввести в него неверные данные, то на выходе неизбежно получится неправильный результат. Вся хитрость в пункте А: это ложная посылка. Перчатка могла принадлежать, скажем, миссис Макгилликатти, живущей дальше по улице, которая по случайному совпадению незадолго до убийства выгуливала собаку невдалеке от будущего места преступления. Или она могла принадлежать Симпсону, но к моменту суда не подходить ему по размеру по целому множеству причин. Таким образом, посылка в пункте А неоправданна, и Симпсон вполне может оказаться убийцей, хотя перчатка оказалась ему не по руке.

Старый анекдот отлично иллюстрирует, как вполне логичные рассуждения могут привести к неверному выводу:

Кевин решил, что он умер, хотя на самом деле был вполне жив. Это его заблуждение в конце концов стало серьезной проблемой, и родные Кевина оплатили ему визит к психиатру.

Много сеансов подряд психиатр усердно пытался убедить Кевина, что тот жив, но ничего не помогало. И тогда врач пошел на крайнее средство. Взяв один из своих медицинских справочников, он дал Кевину прочесть то место, где говорилось, что у мертвых не идет кровь. Несколько часов Кевин придирчиво изучал справочник, но, в конце концов, казалось, согласился с этим фактом.

— Итак, вы согласны тем, что у мертвых кровь не течет? — спросил его врач.

— Да, — кивнул Кевин.

— Отлично! — воскликнул психиатр. Затем он взял булавку и уколол палец Кевина. На пальце выступила капля крови.

— Ну, и о чем это вам говорит? — поинтересовался психиатр.

— О, боже! — вскричал Кевин, пораженно глядя на собственный палец. — Оказывается, у покойников кровь все-таки течет!

Итак, психиатр утверждал: если вы мертвы, значит, у вас не идет кровь (если А, то Б).

У вас идет кровь (не Б).

Значит, вы не мертвы (не А).

Психиатр отрицает следствие, утверждая: «У вас идет

кровь», и заключает, что Кевин не является мертвым. Это верное утверждение, и психиатр рассчитывает, что Кевин в итоге с ним согласится.

Кевин, действительно, соглашается с логичностью этого рассуждения, но, будучи уверенным, что заключение, сделанное врачом, ложно, делает вывод, что исходная посылка также неверна. Ввели в компьютер чепуху — и получили чепуху.

В этом и состоит соблазн рассуждения по принципу отрицания следствия. Если А и Б верны, то и с В должно быть все в порядке, поэтому мы остаемся в уверенности, что утверждение справедливо, в то время как посылка ошибочна. Вот почему мы всегда говорим: «Пусть посылка и не в пору — тема есть для разговора!»

Отрицание посылки, или антецедента

Если вы думаете, что это было слишком сложно, возьмите для сравнения логическую подоплеку дискуссии по поводу контроля над оружием:

Хорошо организованное ополчение необходимо для безопасности свободного государства, поэтому недопустимо лишать народ права на хранение и ношение оружия.

— Конституция США, Вторая поправка

В XX веке Вторая поправка превратилась в анахронизм в основном из-за существенных изменений в ополчении, которое она была призвана защищать. У нас больше нет гражданской милиции, как в XVIII веке. Сегодняшний аналог

«хорошо организованного» ополчения — национальная гвардия — гораздо малочисленнее, и, кроме того, обеспечивается государственным, а не частным оружием. Законы о контроле над вооружением не распространяются на сегодняшнюю гвардию... Следовательно, они не ставят серьезных вопросов, связанных со Второй поправкой.

— Декларация «Кампании Брэди по предотвращению насилия, чинимого с помощью огнестрельного оружия¹»: «Вторая поправка: миф и реальность»

Если, как нам аргументируют, «хорошо организованная гражданская оборона» больше не является «необходимой для охраны свободного государства», из этого вовсе не вытекает, что «право людей на хранение и ношение оружия» теперь может быть нарушено. Утверждать это — значит совершать ошибку отрицания посылки.

— Стивен Холбрук, специалист по конституционному праву

Неужели мы не ошиблись? Занудные политики, участвующие в кампании Брэди, допустили в своих доводах глупейшую логическую ошибку! Похоже, Верховному суду осталось лишь ткнуть пальцем в этот возмутительный изъян в аргументации и — пуф! — конец всем дискуссиям о праве на ношение оружия!

О, нет, только не это!

Ну, ладно, это не так. Однако защитники ограничения права на оружие усиленно подталкивают нас в эту сторону.

¹ Кампания, проводимая бывшим пресс-секретарем президента Рейгана Джеймсом Брэди (получившим тяжелое ранение в 1981 г. во время покушения на главу государства) и нацеленная на ограничение оборота гражданского огнестрельного оружия в США. — *Прим. пер.*

Давайте разберемся.

Ошибка отрицания посылки, или антецедента, выглядит следующим образом: если А, тогда Б. Если не Б, тогда не А. Возвращаясь к «кошачьей» терминологии, если Маффи — кошка, значит, Маффи — животное. Маффи не кошка, значит, она не животное. Какая ошибка! Маффи, не волнуйся: тебе достаточно пообщаться на эту тему с соседским псом.

Но давайте-ка отвлечемся от кошек и разберемся с идеями единомышленников Брэди. Похоже, они полагают, что с точки зрения логики Вторая поправка гласит примерно следующее: «Если хорошо организованное народное ополчение (с частным оружием) необходимо для безопасности свободного государства, то право на хранение и ношение оружия не может быть поставлено под сомнение». Затем они предполагают, что хорошо организованное ополчение (с частным оружием) больше не является необходимым для безопасности свободного государства, а значит, у людей можно отнять право владеть и носить оружие.

На это защитники права на оружие парируют: ага! Так это же формальная ошибка отрицания посылки! Ревнители конституции полагают, что право на ношение оружия нельзя отнимать, независимо от того, необходимо ли государству хорошо организованное ополчение, — точно так же как Маффи имеет право оставаться животным, даже не будучи кошкой.

Тут наши головы пошли кругом, и мы бросились искать укрытие. Однако судьбе было угодно иное: стоило нам спрятаться за надежной каменной стеной, как нас

схватил за рукав какой-то иссохший от старости мудрец со словами: «Вы разве не видите? Проблема аргументации обеих сторон заключается в нежелании признать, что Конституцию писали не логики, а простые смертные. Если мы хотим понять, что они на самом деле имели в виду, нам следует задавать вопросы не из области логики, а из области психологии. К примеру, почему создатели Конституции вообще упомянули “хорошо организованное народное ополчение”, если считали, что оно никак не связано с правом хранить и носить оружие? То есть, возможно, авторы этого документа имели в виду: “Если хорошо организованное народное ополчение необходимо для обеспечения безопасности свободного государства, и только в этом случае, недопустимо лишать народ права на хранение и ношение оружия”. Если именно такова была их мысль, то в соответствующих рассуждениях отсутствует ошибка отрицания посылки. Ведь, в конечном итоге, мы имеем полное право сказать: “Если имеет место А, и только в этом случае, тогда Б. Следовательно, если не А, то не Б”.

Но, с другой стороны, стали бы отцы-основатели употреблять одно из своих любимых слов, “право”, если бы речь шла хотя бы о теоретической возможности посягнуть на это право? Мы можем с уверенностью сказать, что создатели Конституции считали любые права священными, так что, вполне возможно, оговорка о необходимости хорошо организованной народной милиции здесь вообще не играет роли^у.

В общем, если бы проблемы, связанные с толкованиями Конституции, можно было решать с помощью формальной логики, мы бы не называли их толкованиями».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ

*«Интересно, поверят ли будущие поколения,
что их предки были такими фанатами оружия?»*

И с этими словами старый мудрец исчез где-то в лесных дебрях, отняв у нас удовольствие поворчать над формальной логической ошибкой. При этом решения проблемы Второй поправки он нам тоже не предложил.

Подтверждение следствия

В списке непостижимо алогичных формулировок формальная ошибка под названием подтверждение следствия (или консеквента) стоит в одном ряду с отрицанием посылки (или антецедента).

*Самое забавное в сегодняшней политической журналистике то, что половина истериков считают нас апологетами либеральной идеологии, а вторая половина полагает, что мы тайно подыгрываем консерваторам. **Что ж, если обе стороны злы на тебя, ты можешь быть уверен, что достойно делаешь свою работу.***

— Шейла Мюррей, руководитель отдела политики *Washington Post*, в выступлении на *Washington Post Radio*

Это сложная штука. Быть может, вам лучше кое-что записать. Ошибка возникает, когда логичное утверждение переворачивается с ног на голову и делается заявление, что новая версия тоже должна быть справедливой. Если выразить эту ошибку с помощью символов, она будет выглядеть так: если А, то В; есть А, следовательно, В. К примеру, это как если заявить: «Ты работаешь только по будним дням. Сегодня будний день — ты должен быть в офисе!»

Ну ладно, парень, не торопись! Ты же в отпуске!

Льюис Кэрролл, большой специалист по части обнаружения смешного в алогичном, приводит нам в «Алисе в стране чудес» забавный пример подтверждения следствия:

Голубь [Алисе]: Ты змея, вот кто ты такая! И лучше не ври! Ты мне еще скажешь, что никогда яиц не ела!

Алиса: Яйца я, конечно, ела. Девочки ведь тоже едят яйца.

Голубь: Значит, они просто-напросто змеи, только особой породы.

А теперь вернемся к мисс Мюррей, которая находится в студии. Предположим, если вы — репортер, и хорошо делаете свою работу, и левые, и правые действительно будут в равной степени рады порвать вас на части. Но из этого не следует, что желание левых и правых разделаться с вами — достаточное доказательство вашего журналистского профессионализма. С таким же успехом обе стороны могут возненавидеть журналиста, к примеру, из-за его нежелания слышать любую критику или из-за отвратительной прически.

И наконец, правильный силлогизм

Однако настало время внести в наше повествование приятное разнообразие и привести в пример политика, который использует строгую аристотелеву логику *правильно*. Политик, которого мы процитируем ниже, выстроил диалог таким образом, что в конце оставалось лишь констатировать: «Что и требовалось доказать» (или, говоря возвышенной латынью, *quod erat demonstrandum*). Он сумел заставить своего оппонента усесться на подожженную им петарду — фокус, который всегда радует любителей фейерверков.

(Делегат Конвенции Республиканской партии в штате Юта утверждал, что вдоль границы Мексики и США должен быть построен забор для пресечения нелегальной иммиграции)

Представитель Республиканской партии: А если нелегальные иммигранты начнут перелезать через этот забор?

Делегат: Пустите электричество, и они к нему близко не подойдут.

Представитель: А если кто-нибудь все же коснется его? Вы позволите им умирать?

Делегат: Это будет их выбор.

Представитель: А если это будет мать с ребенком за спиной? Вы позволите матери с ребенком умереть?

Делегат: Это будет выбор матери — убить ребенка.

Представитель: Значит, вы — сторонник абортов? [Мертвая тишина]

— Из материала Пола Роли в *Salt Lake Tribune*

Отличная работа, представитель!

Вы безусловно использовали дедуктивное утверждение, известное как силлогизм. Известный пример силлогизма: «Все люди смертны. Сократ — человек. Следовательно, Сократ смертен». В данном случае это звучит так: «Каждый, кто без зазрения совести готов стать соучастником убийства ребенка, может считаться сторонником абортот. Делегат готов без зазрения совести стать соучастником убийства ребенка. Значит, его можно считать сторонником абортот». (Тот факт, что первая посылка здесь довольно спорна, в данном случае не играет роли, поскольку и представитель партийного руководства, и делегат с ней явно согласны.)

Особенно радуется в этой истории незадачливый делегат, который сам подставил себя в полном соответствии со сценарием, известным как *pugio tuus est interfector tuus* (дословно «твой кинжал — твой убийца»). Практически в каждой культуре бытуют анекдоты о ранивших себя собственными кинжалами, но мы особенно любим вот эту старую забавную историю:

Нищий ходит по домам, прося подаяния под тем предлогом, что лишился крова из-за пожара. Одна из хозяек спрашивает его:

— А есть ли у вас документ из полиции, подтверждающий ваши слова?

— Увы! — воскликнул нищий. — Он тоже сгорел!

В словах Гамлета «Забавно даже видеть инженера,/ Что сам себя взорвет своей петардой»¹ Шекспир дает своего рода английский эквивалент латинского изречения *pugio tuus est interfector tuus*. Действительно, забавно, когда

¹ Пер. И. В. Пешкова. — Прим. пер.

изготовитель бомб подрывается на собственном творении: ведь «петардой» в Средневековье называли бомбу для подрыва фортификационных сооружений (мы отказываемся придавать какое-либо значение тому факту, что слово «петарда» происходит от средневекового французского словца, означающего «испускание кишечных газов»).

Кстати, о газе: давайте-ка вернемся к Аристотелю и его спутнику — муравьеду, с которым он прибыл в Вашингтон. Итак, они прогулялись по городу и осмотрели те места, где сосредоточена вся политическая мощь страны, — Белый дом, Капитолий и Кей-стрит¹. После этого муравьед оборачивается к Аристотелю и говорит:

— Знаешь, тебе непременно надо баллотироваться в президенты! Смотри, ты умнее их всех, ты специалист в логике и риторике, и ты потрясающе знаменит!

— Нет, друг, это не по мне, — отвечает Аристотель. — Я предпочитаю стоять за кулисами, как эдакий Карл Роув² Золотого века.

— Ты шутишь! Назови мне хоть одну кампанию, которую ты провел!

— А помнишь того придурка, которого все звали Александром Посредственным³?

¹ Одна из центральных улиц Вашингтона, где традиционно располагаются офисы аналитических бюро, лоббистов, юристов. — *Прим. пер.*

² Влиятельный американский политик, главный организатор избирательной кампании Джорджа Буша-младшего, ближайший советник, а впоследствии заместитель главы администрации Буша, носивший прозвище Распутин. — *Прим. пер.*

³ И в самом деле, Александр Македонский, о котором идет речь, получил свое образование под руководством Аристотеля. — *Прим. ред.*

VI

Дебаты

*Как пудрить мозги с помощью фальсификации
(на сей раз — нашей)*

Кандидаты в президенты от Демократической партии добивались внимания целевой аудитории, участвуя в дебатах на «нишевых» кабельных каналах. Они лихо отвечали на вопросы, швырялись обвинениями и оскорблениями на канале Logo, рассчитанном на геев и лесбиянок, в проекте YouTube/CNN, на PBS. Однако о появлении кандидатов на других каналах, рассчитанных на специфические запросы аудитории, известно меньше. Сегодня мы предлагаем вам избранные места из этих передач.

Food Network¹

*Рэйчел Рэй²: Привет, Хиллари! Потрясающе выглядите!
Вы всегда готовите еду в брючном костюме?*

*Хиллари Клинтон: Прекрасный вопрос, Рэйчел!
Действительно, великолепный вопрос, который
находит во мне живейший отклик, — точно так же,*

¹ Кулинарный кабельный телеканал. — Прим. пер.

² Известная американская телеведущая и повар. — Прим. пер.

как и в других работающих женщинах и девушках, которые живут в нашей замечательной стране!

Рэй: Ну так что же, вы действительно готовите в брючном костюме?

Клинтон: Разумеется, я не могу ответить за Мишель Обама: если она хочет делать это в брючном костюме — что ж, это ее прерогатива. В этом вся суть нашей свободы: ты имеешь право готовить в чем угодно.

Рэй: Послушайте, через три минуты мне уже пора вынимать суфле из духовки! Вы готовите в брючном костюме, сенатор?

Клинтон: И да и нет. Я могу готовить в брючном костюме. Я много раз говорила о том, что в этом нет ничего дурного. Но на самом деле — и это подтверждается множеством свидетельств — я не готовлю. Не то чтобы я считала, что в готовке есть что-то дурное, нет, ни в коем случае, если...

Рэй: Вот это да! Только посмотрите на это суфле!

Клинтон: Потрясающе! Вы дадите мне рецепт?

Home@Garden

Кахи Ли¹: Конгрессмен Деннис Кусинич², ваша квартира здесь, в Кливленде, просто очаровательна! Как, например, вам пришла в голову идея постелить на кухонный стол эту клеенку?

Деннис Кусинич: Честно говоря, Кахи, я просто хотел найти скатерть, которая не была бы произведена на потогонных фабриках одной из стран,

¹ Дизайнер интерьера, телеведущая. — *Прим. пер.*

² Бывший мэр Кливленда, конгрессмен, кандидат в президенты США на выборах 2004 г. — *Прим. пер.*

подписавших договор о Североамериканской зоне свободной торговли. И это был единственный вариант. Я сделал ее сам из старого куска брезента.

Ли: Какая богатая фантазия! А эти занавески! Выглядят, словно старые паруса!

Кусинич: Это и есть старые паруса, Кахи. Китайцы скупили все наши фабрики по производству штор, отобрав рабочие места у американцев. Пока мы не вернем эти рабочие места в США, я буду вешать на окна товар с маркировкой Американского профсоюза производителей парусов.

Ли: Не могу дождаться момента, когда увижу, как вы переделаете Западное крыло¹ после вашей инаугурации!

Кусинич: Кахи, ты что, обкурилась?

Е!²

Роберт Верди (ведущий программы Fashion Police): Джонни, Джонни, ну и разоделся, до чего же кричащий наряд! Ты словно взываешь: «Помогите! Помогите! Я никак не могу найти свой собственный стиль!»

Джон Эдвардс³: Что ж, Роберт, существует две Америки — для тех, у кого есть все, и для тех, у кого нет ничего.

Верди: Джонни, расскажи мне об этом подробнее! У человека либо есть талант привлекать внимание окружающих, либо нет. Что я могу сказать о твоём

¹ В Западном крыле Белого дома располагаются апартаменты президента США. — *Прим. пер.*

² Молодежный развлекательный кабельный канал. — *Прим. пер.*

³ Американский политик, бывший сенатор от Северной Каролины, кандидат в вице-президенты США в паре с Джоном Керри на выборах 2004 г. — *Прим. пер.*

виде? Ты похож на маленького хориста, который случайно забрался в аэродинамическую трубу. Для начала нам надо что-то сделать с твоими волосами. [Про себя] Милый, во что это ты завернулся — в ковер?

Эдвардс: Прежде всего, Роберт, я должен заявить: я предпочту проиграть президентскую гонку, чем поступиться принципами, которые для меня очень важны!

Верди: Джонни, ты имеешь в виду то же, что и я? Кулон на золотой цепочке? Гениально! Но только что-нибудь утонченное. Думаю, отлично подойдет американский флаг, украшенный рубинами и бриллиантами.

Эдвардс: Я не хочу выглядеть претенциозно!

Верди: Конечно, душечка! Но фальшивые бриллианты — это та-а-ак безвкусно, правда?

Animal Planet

Кинкажу¹ (из сериала «Поместье сурикатов»):
Губернатор Ричардсон, вас постоянно обвиняют в жестокости по отношению к животным с тех пор, как вы решили сострить, заявив, что хотели бы видеть Усаму бен Ладена безжизненным, словно зверек соня. Сожалеете ли вы об этом заявлении?

Билл Ричардсон²: Знаете, это была, ну, вы понимаете, такая фигура речи. Я с таким же успехом мог сказать

¹ Ночное травоядное млекопитающее, обитающее на деревьях. — Прим. пер.

² Видный американский политик, работавший на различных постах в администрации президента США Билла Клинтона; с 1 января 2003 г. по 1 января 2011 г. — губернатор штата Нью-Мексико. В 2008 г. участвовал в президентских праймериз от Демократической партии, но снял свою кандидатуру. — Прим. пер.

«снулым, как макрель» или «дохлым, как гиппопотам».
Но это вовсе не означает...

Кинкажу: Давайте проясним ситуацию, губернатор.
Вы рассматриваете существование в шкуре сони
как выбор образа жизни?

Ричардсон: Зависит от того, что вы имеете в виду,
говоря об образе жизни. Вы считаете, что я сам
выбрал для себя пиджак, который мне мал? Или вас
интересует, хотел бы я лично стать соней?

MTV

Маккейн: Ну что, чувак, вот тут есть вопросец от моего
другана Ла Бамбы, Бро, моя банда шушукается,
что у парней на улице ты чисто не в авторитете,
так как ты собираешься порешать этот вопрос
с братвой, а, чувак?

Барак Обама: Не могли бы вы повторить вопрос?

Маккейн: Не-не-не, брателло, у тебя был только один
выстрел! А я переадресую этот вопрос Хилл.

Хиллари Клинтон: Да-да-да, братва, я вам не шлюха
безмозглая, я сижу перед вами, совершенно
серьезная, но я все равно дам вам все что смогу,
и всем помогу, и другу, и врагу, и в метель, и в пургу,
ведь один дает, а другой дразнится, в этом,
братва, и вся разница!

Контрольный вопросник

Те из вас, кто читал эту книгу ради развлечения, могут смело на этом закончить и налить себе прохладного вина. Однако мы не хотим разочаровывать и тех, кто считает жизнь бесконечной чередой экзаменационных заданий.

Кстати, по нашим подсчетам, таковых насчитывается лишь 35% от всей аудитории.

Итак, к каждому приведенному ниже отрывку из придуманной нами предвыборной речи подберите соответствующую логическую ошибку из приведенного ниже списка. Если сумеете привести латинские термины, получите дополнительные баллы.

1. Подтверждение следствия
2. Апелляция к авторитету с утверждением «господь — мой кормчий»
3. Дурная компания, или вина по ассоциации
4. Контекстомиа
5. Вместе с этим — значит вследствие этого
6. Ложная дилемма
7. Натуралистическая ошибка
8. Аргумент «скользкой дорожки»
9. Слабая аналогия
10. Обтекаемые выражения

Собратья-американцы!

- а) Мой оппонент заявляет, что огнеметы не подпадают под действие Второй поправки к Конституции США. Да-да, она полагает, что невинные американские мужчины, женщины и дети должны быть лишены права использовать огнеметы. Задумайтесь об этом на минуту. Кто еще в истории полагал, что американцы не должны иметь огнеметов? Правильно — Адольф Гитлер!

- б) Мой оппонент вопрошает: «Для чего законопослушному американскому гражданину может понадобиться огнемёт?» Да какая разница? Сегодня мы запретим огнемёты, завтра — штурмовые винтовки, а скоро дело дойдёт и до водяных пистолетов!
- в) Мой оппонент указывает, что за последние десять лет существенно выросло число актов насилия с применением огнемётов. Однако то, что она называет «убийством и нанесением увечий», я называю «дружественным огнём».
- г) Кстати, она забывает указывать, что одновременно с ростом числа подобных случаев существенно увеличилось количество случаев излечения от рака, сердечно-сосудистых заболеваний и инсультов.
- д) Если что-то в мире надо контролировать в последнюю очередь, так это огонь, ведь он — один из четырёх основных элементов мироздания наряду с землей, ветром и водой.
- е) Старая поговорка гласит: «Не пытайтесь исправить то, что ещё не сломано». Что ж, мы не регулируем использование огнемётов, отсюда следует, что ситуация не катастрофическая, не так ли?
- ж) Запрещать огнемёты лишь из-за того, что они могут использоваться для ограблений и поджогов, — все равно что запрещать маленьких котят, поскольку котенка можно использовать как метательный снаряд.
- з) Кстати, не кто иной как Чарлтон Хестон, человек, сыгравший Моисея в «Десяти заповедях», заявил по этому поводу: «Не бывает хороших огнемётов, как не бывает плохих огнемётов».

- и) Подумайте, насколько эти мудрые слова контрастируют с пораженческой позицией моего оппонента, когда — в несомненной связи с огнеметамми — она заявляет: «Восемьдесят семь ... благородных погибших... исчезнет с лица земли»¹. Я же, со своей стороны, заявляю, что нация, вооруженная качественным зажигательным оружием, никогда не исчезнет с лица земли!
- к) Таким образом, мои дорогие сограждане-американцы, не допустите ошибки! Вопрос ограничения использования огнеметов в конечном итоге сводится к следующему: стоите ли вы за свободу или за тоталитаризм?

Теперь подытожим: мы должны признать, что в настоящее время в США нет ни одного человека, который бы не был противником свободы.

Ответы: а) 3; б) 8; в) 10; г) 5; д) 7; е) 1; ж) 9; з) 2; и) 4; к) 6.

¹ Вырванные из контекста фрагменты Геттисбергской речи Авраама Линкольна — одной из наиболее известных политических речей США, произнесенной 19 ноября 1863 г. при открытии национального военного кладбища в Геттисберге. — Прим. ред.

ИЗБРАННЫЕ БИОГРАФИИ БОЛТУНОВ И ДЕМАГОГОВ

Боксер, Барбара Леви — еврейка, феминистка, придерживается левых взглядов. Сенатор от штата Калифорния. Для политического обозревателя или противника каждой из этих характеристик достаточно, чтобы породить взрывоопасный стереотип.

Буш, Барбара — Первая Мать. Определенно не еврейка и не из Калифорнии.

Буш, Джордж Уокер — бывший губернатор Техаса, 43-й президент США. Сын Джорджа Герберта Уокера Буша, 41-го президента США. Как было сказано выше, когда у него спросили, консультировался ли он с отцом по поводу вторжения в Ирак, он ответил, что уповает в этом деле на высшего отца. Считается, что в роли высшего отца в данном случае выступил Дик Чейни (см. ниже).

Гитлер, Адольф (1889–1945) — неудавшийся художник, сумевший, однако, выдвинуться в качестве успешного политика и массового убийцы, что существенно подняло стоимость его полотен на eBay.

Гор, Альберт «Эл» Арнольд-младший — 45-й вице-президент США (между Куэйлом и Чейни) при президенте Билле Клинтоне. В 2000 году был выдвинут кандидатом в президенты от Демократической партии, однако для победы ему не хватило буквально пары бюллетеней. Однажды он публично заявил, что изобрел Интернет, однако, видимо, журналисты попросту его не расслышали. На самом деле речь шла о щекотливой ситуации в Овальном кабинете, применительно к которой Гор придумал выражение *intern net*.¹

Джефферсон, Томас (1743–1836) — 3-й президент США, архитектор, мастер слова (главный автор Декларации независимости), изобретатель, садовод, рабовладелец и прелюбодей. Он один из наших Отцов-основателей, а также Отец незаконных детей и подкидышей.

Дилэй, Томас «Молот» Дэйл — бывший представитель консервативного крыла республиканцев в Конгрессе от 22-го избирательного округа по выборам в Конгресс (штат Техас). Скоро номер округа станет другим в связи с предстоящим изменением административного деления по избирательным округам. В 2005 году обвинен большой коллегией присяжных в уголовно наказуемых деяниях, включая нарушение правил финансирования избирательной кампании, после чего снял свою кандидатуру с перевыборов. В 2007 году провел в Вашингтоне семинар «Выборы и предвыборные кампании», посвященный вопросам этики (Бог свидетель, это не мы придумали!).

¹ Обыгрываются слова «intern» — интерн, стажер, кем и была Моника Левински, и «net» — сеть, в которую угодил Клинтон. — *Прим. ред.*

Керри, Джон — ветеран Вьетнама, с церемониями награжден многочисленными медалями, а впоследствии бесцеремонно отказался от них¹. Младший сенатор от штата Массачусетс, кандидат от Демократической партии на президентских выборах 2004 года. Оппоненты дали ему прозвище Флюгер за высказывания вроде: «Я действительно голосовал за выделение \$87 миллионов перед тем, как проголосовать против этого». Фигня какая-то, ей-богу.

Клинтон, Уильям «Билл» Джефферсон — бывший губернатор Арканзаса, 42-й президент США. Считался политическим центристом, хотя иногда принимал либеральные позы, обычно — в Овальном кабинете. Муж Хиллари Родэм Клинтон, кандидата в президенты от Демократической партии на выборах 2008 года, которой обязан практически всем.

Маккарти, Джозеф Реймонд (1908–1957) — сенатор-республиканец от штата Висконсин (1947–1957), известный безжалостной борьбой против коммунистов в Сенатской комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Телетрансляции слушаний, проводимых комиссией, популяризовали его двухдневную небритость. Позже эту моду подхватил Ричард Никсон (см. ниже), да и сегодня ее можно наблюдать среди участников шоу «Американский идол».

Никсон, Ричард Милхаус (1913–1994) — 37-й президент США (1969–1974), до этого — 36-й вице-президент

¹ Отслужив во Вьетнаме, Джон Керри участвовал затем в антивоенных демонстрациях у Белого дома. В газетах писали, что однажды он выбросил свои награды здесь же на лужайке. Как выяснилось позже, так он распорядился вовсе не со своими медалями. — *Прими. ред.*

США (в администрации Дуайта Эйзенхауэра). Известен как Хитрый Дик, Пьяная Рожь¹ и Параноидальный Шизофреник. Подал в отставку в 1974 году в результате Уотергейтского скандала, однако оставил будущим президентам внушительное наследство в форме бесчисленных «гейтов»: Моникагейт, Плеймгейт² и Тиклгейт³ — лишь некоторые из них.

О’Рейли, Уильям «Билл» Джеймс — политический комментатор программы «Честно и непредвзято» (Fair and Balanced) на телеканале Fox News. Придерживается твердых моральных принципов по насущным вопросам — таким как когда уместнее говорить «С праздником!» вместо «Веселого рождества!». Строго осуждает гомосексуализм. В 2004 году одна из сотрудниц О’Рейли подала на него в суд за сексуальные домогательства. Поскольку конфликт был урегулирован в досудебном порядке, сплетни о том, что О’Рейли любит заниматься этим в костюме Санты, так и не получили подтверждения.

Райс, Кондолиза — 66-й государственный секретарь США. Бывший советник Джорджа У. Буша по вопросам безопасности. Прежде чем стать членом администрации Буша, достигла значительных успехов как в научной карьере, так

¹ Mutton Face — буквально «баранья морда». Так называют подвыпивших бомжей, источающих дурной запах. — *Прим. ред.*

² Политический скандал, в ходе которого советников Буша Карла Роува и Льюиса Либби обвинили в ненамеренной утечке информации, в результате чего было раскрыто имя секретного агента ЦРУ Валерии Плейм. — *Прим. пер.*

³ Скандалная отставка конгрессмена Эрика Массы после жалобы его подчиненного на сексуальные домогательства. Впрочем, сам Масса заявил, что его вынудили уйти из-за его нежелания голосовать в поддержку реформы здравоохранения. — *Прим. пер.*

и в бизнесе. Возглавляла комитет по общественной политике компании Chevron. Эта мультинациональная корпорация отметила ее заслуги, назвав в ее честь нефтяной танкер. Это вызвало разногласия, и танкер был вскоре переименован в Altair Voyager, что означает «Вояджер имени звезды, стоящей на двенадцатом месте по яркости среди звезд, видимых в ночное время». К чему бы это? Нас лучше не спрашивать.

Рамсфелд, Дональд — 13-й министр обороны США в администрации президента Форда (1975–1977), 21-й министр обороны США в годы правления президента Буша (2001–2006). Для друзей — Рами, для клеветников — Ротвейлер. Рамсфелд дал больше пресс-конференций, чем любой из его предшественников на посту министра обороны. Часто повторял, что стремится к созданию более компактной армии.

Рейган, Рональд Уилсон (1911–2004). Сначала — демократ и приверженец Нового курса, впоследствии — республиканец и сторонник экономической теории предложения. Сначала — любитель выражения «империя зла», впоследствии — фигурант многочисленных скандалов этического свойства, включая «Иран-контрас»¹. Сначала — актер второсортного кино, впоследствии — 40-й президент США. Получил прозвище Великий Ком-

¹ Крупный политический скандал в США во второй половине 1980-х гг. Разгорелся, когда стало известно о том, что отдельные члены администрации США организовали тайные поставки вооружения в Иран, нарушая тем самым оружейное эмбарго против этой страны. Дальнейшее расследование показало, что деньги, полученные от продажи оружия, шли на финансирование никарагуанских повстанцев-контрас в обход запрета Конгресса на их финансирование.

муникатор» за умение виртуозно отстаивать свою точку зрения.

Сантаяна, Джордж (1863–1952) — гарвардский философ, плагиатор Цицерона.

Санторум Ричард «Рик» Джон — бывший сенатор от Пенсильвании, боевой лидер крайне правой республиканской идеологии. Решительно протестует против абортс при любых обстоятельствах, против предоставления равных прав гомосексуалистам, против изъятия из программы государственных школ «теории» разумного замысла. Однако наиболее памятен предлагаемый им «Закон о деятельности национальной метеорологической службы» (2005), подразумевающий запрет на открытую публикацию прогнозов погоды Национальной метеорологической службой, в то время как частные компании — такие как AccuWeather, действующая в родном штате Санторума, — предоставляют эту информацию на коммерческой основе. Тут не надо быть метеорологом, чтобы понять, куда дует денежный ветер. Правда, билль так и не был принят.

Стюарт, Джон — ведущий популярного сатирического шоу, высмеивающего традиционные выпуски новостей. Как ни удивительно, исследования показывают, что зрители шоу лучше осведомлены о текущих событиях, чем те, кто предпочитает традиционные новости. В интересные времена живем!

Таунсенд, Фрэнсис Фрагос — советник Джорджа Буша по внутренней безопасности. Известный сержантскому составу как Фрагги, он, говорят, сумел локализовать ме-

стоположение Усамы бен Ладена, ограничив область поисков тремя из семи континентов.

Фалуэлл, Джерри Лэймон старший (1933–2007) — христианский пастор-фундаменталист, телепроповедник. Основатель «Морального большинства» — лоббистской группы, отстаивающей моральные ценности. Известен тем, что после событий 11 сентября заявил: «Я убежден, что язычники, защитники аборт, феминистки, геи и лесбиянки, пытающиеся представить свою ориентацию как альтернативный стиль жизни, и такие организации, как Американский союз за гражданские свободы и «Народ за американский путь», — изо всех своих сил стремились сделать Америку светским государством, и вот теперь я направляю обвиняющий перст им в лицо и заявляю: “Это произошло с вашей помощью!”» Любопытно, что до сих пор ни один язычник не опроверг это заявление.

Чейни, Ричард «Дик» Брюс — министр обороны в администрации Джорджа Буша-старшего. Награжден Президентской медалью Свободы¹ за «обеспечение обороны США в эпоху великих мировых изменений». В течение двух сроков исполнял обязанности вице-президента при Джордже Буше-младшем. Муж Линн Чейни, сочинительницы грязных книжонок, отец Мэри, которая, оказывается, лесбиянка, хотя это, конечно, не ваше собачье дело. Известен как Дарт Вейдер, отец-благодетель Halliburton²

¹ Одна из двух высших наград США для гражданских лиц. — *Прим. пер.*

² Дик Чейни неоднократно становился фигурантом коррупционных скандалов, связанных с деятельностью компании Halliburton, которую он возглавлял в 1990-е гг., а после этого продолжал считаться ее покровителем. — *Прим. ред.*

и мистер Смерть. Говорят, мистер Чейни может эффективно нашептать президенту на уши практически все что угодно; подозреваем даже, что для большей надежности он хранит эти уши в секретном укрытии.

Чингисхан (1162–1227) — политический и военный лидер, основатель Монгольской империи — одной из самых масштабных в истории. Хотя в большинстве стран его считают жестоким и кровожадным диктатором, сегодняшние монголы все еще именуют его Ханом и Братаном.

Шарптон, Альфред «Эл» Чарльз-младший — священник церкви пятидесятников, активист движения за защиту гражданских прав. В 2004 году выдвинулся кандидатом в президенты от Демократической партии. Отличается вечно сальными волосами, длинным языком и неуклонным стремлением обличать социальную несправедливость при каждом удобном случае. Широко известен тем, что защищал Тавану Браули¹ в деле об изнасиловании.

Ширак, Жак Рене — бывший президент Франции, бывший мэр Парижа. Известен способностью бегло нести политическую околесицу на двух языках, щедро сдабривая картофель свободы² прованским маслом.

¹ В 1987 г. Тавана Браули заявила, что была изнасилована шестью белыми мужчинами, в том числе сотрудниками полиции. Эл Шарптон и его сподвижники нагнетали расовую напряженность и обвиняли полицию в сокрытии улик. После тщательного рассмотрения дела присяжные пришли к выводу, что девушка выдумала инцидент. — *Прим. ред.*

² Картофель свободы (freedom fries) — политический эвфемизм в Америке, где стали называть так картофель фри (french fries) в результате антифранцузских настроений из-за разногласий по поводу решения США о вторжении в Ирак. — *Прим. ред.*

Dixie Chicks — группа с самым сексуальным названием в Америке, участницы которой публично выражали недовольство президентом. Вскоре после этого продажи их дисков упали, однако они все же сумели вновь вернуться к вершинам — в отличие от президента.

ПРИМЕЧАНИЯ

- i Благодарим Гэри Кертиса и сайт www.fallacyfiles.org за анализ и пример из Льюиса Кэрролла.
- ii Благодарим за примеры Марди Гроуса из *Viva La Repartee*, (New York, HarperCollins, 2005).
- iii Благодарим за пояснения Кристофера Фута, старшего экономиста Федерального резервного банка в Бостоне.
- iv Истории о Рейгане, Клинтоне и Горе — см. Карл Кэннон «Ложь и последствия» (Untruth and Consequences), *Atlantic*, январь/февраль 2007 г.
- v См.: Шелдон Рикман «Что означает Вторая поправка» (What the Second Amendment Means), *Freedom Daily*, октябрь 1995 г.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

- С. 10: © *The New Yorker* Collection, 2002. Майк Туи, www.cartoonbank.com. Все права защищены.
- С. 16: © *The New Yorker* Collection, 1987. Джеймс Стивенсон, www.cartoonbank.com. Все права защищены.
- С. 23: © Дэвид Левин
- С. 29: © Кэрол Стоукс/www.cartoonstock.com
- С. 37: © *The New Yorker* Collection, 2004. Дэвид Сипресс, www.cartoonbank.com. Все права защищены.
- С. 38: © *The New Yorker* Collection, 2005. Ли Лоренц, www.cartoonbank.com. Все права защищены.
- С. 43: © Эд Фишер/www.cartoonstock.com
- С. 49: © *The New Yorker* Collection, 1998. Сэм Гросс, www.cartoonbank.com. Все права защищены.
- С. 60: © *The New Yorker*, 2004. Роберт Манкофф, www.cartoonbank.com. Все права защищены.
- С. 64: © *The New Yorker* Collection, 1991. Морт Герберг, www.cartoonbank.com. Все права защищены.
- С. 68: © Дэрил Кегл/Cagle Cartoons
- С. 85: © *The New Yorker* Collection, 1992. Роберт Манкофф, www.cartoonbank.com. Все права защищены.
- С. 89: © Филипп Беркин/www.cartoonstock.com

С. 103: © *The New Yorker* Collection, 2007. Чарльз Барсотти, www.cartoonbank.com. Все права защищены.

С. 114: © *The New Yorker* Collection, 1977. Джозеф Мирачи, www.cartoonbank.com. Все права защищены.

С. 122: © *The New Yorker* Collection, 2006. Эриэл Молвиг, www.cartoonbank.com. Все права защищены.

С. 128: © Харли Сквадрон/www.cartoonstock.com

С. 137: © Geoff Hook PBL Promotions/www.geoffhook.com

С. 143: © Грим Маккей/artizans.com

С. 147: © *The New Yorker* Collection, 2000. Чарльз Барсотти, www.cartoonbank.com. Все права защищены.

С. 155: © *The New Yorker* Collection, 1998. Фрэнк Котэм, www.cartoonbank.com. Все права защищены.

С. 168: © *The New Yorker* Collection, 2002. Кристофер Вийант, www.cartoonbank.com. Все права защищены.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Айер, Альфред Джулз 139
Аналитико-синтетическая
 подгасовка 131
Апелляция к несуществующему
 различию (логическая
 ошибка) 56
Аристотель 99, 159
Аристотель и аристотелева логика
 171
Аристотель и муравьед, анекдот 173
Аристотель, «Трактат о риторике» 99
Аткинс, Питер 27

Б

Баумгартнер, Джоди 117
Бауэр, Гарри 108
Боксер, Барбара 39, 76, 77, 183
Браун, Рита Мэй 112
Брэди, Джеймс (кампания по
 контролю над оружием)
 165, 166
Бурц, Нил 46
Буш, Барбара 102, 183
Бэйнер, Джон 78

В

Вина по ассоциации 67, 71
Вина с оговоркой 94–96
Вульфсон, Говард 73

Г

Геффен, Дэвид 73
Гор, Альберт 80, 145, 184
Грейсли, Чак 46, 50
Грили, Хорас 149

Д

Де Квинси, Томас 54
Джеймс, Уильям 141
Дженсен, Роберт 131, 132
Джефферсон, Томас 42, 123, 125,
 126, 184
Джондро, Гордон 18
Джордж Буш (младший) 28, 32
Дивер, Майкл 144
Дизраэли, Бенджамин 112
Дэвис, Джо Энн 98

И

Индуктивный пробел 126

К

Кайрос (благоприятный момент) 97
Кампания Брэди 165
Кант, Иммануил 131, 152, 154
Кеннеди, Джозеф 66
Кеннеди, Джон 66
Кеннеди, Рэндалл 104
Керри, Джон 56, 58, 78, 79, 92, 117,
 148, 160, 185

Кларк, Ричард 21, 22, 24
Клинтон, Билл 42, 43, 98, 144
Клинтон, Хиллари 73, 92, 98, 175, 179

Когерентная теория истины 140
Кокран, Джонни 160–162
Контекстомя 79, 180
Корреспондентная теория истины 140
Кулидж, Кэлвин 150
Кусинич, Деннис 176, 177
Кэрролл, Льюис 47, 170

Л

Левински, Моника 42
Ложная дилемма, логическая ошибка 28, 30, 31, 180
Ложная посылка 160, 161
Локк, Джон 125

М

Маккарти, Джозеф 26, 69–71, 185
Макмастер, Герберт Рэймонд 129
Макнамара, Фрэнсис Терри 130
Моррис, Джонатан 117
Мэнсон, Чарльз 71

Н

Наджин, Рэй 101, 102
Натуралистическая ошибка, или апелляция к природе 61
Неверное преобразование 158
Недоказуемое предположение 124, 125
Никсон, Ричард 72, 129, 185

О

Обама, Барак 73, 179
Обтекаемые выражения 33, 34
Общепринятые представления 146, 151
Оруэлл, Джордж 34

Отрицание посылки, или антецедента 11, 164, 166, 169

Отрицание следствия, или консеквента 169

П

Паулос, Джон 112
Пауэлл, Колин 21, 130
Переход на личности 67
Пирс, Чарльз Сандерс 141
Подтверждение следствия, или консеквента 169, 180
Прагматическая теория истины 141
Проекция 87

Р

Райс, Кондолиза 76, 77, 186, 187
Рамсфелд, Дональд 20, 21, 24–27, 30, 94, 95, 187
Рейган, Рональд 136, 139, 187, 188
Роув, Карл 173
Роу, Джейн 118

С

Сантаяна, Джордж 126, 127, 129, 188
Санторум, Рик 51, 57, 188
Сартр, Жан-Поль 139
Симпсон, О Джей 161, 162
Синтетическое суждение 132
Скрытое допущение 58, 59
Слабая аналогия 45, 47, 180
Соломенного чучела, аргумент 76, 77, 79

Т

Теории истины 139, 142

У

Уклончивые ответы 41

Ф

Фрикология 118

Х

Харрис, Сэм 27

Ц

Цицерон 126

Ч

Чейни, Линн 148, 189

Ш

Шарптон, Эл 158, 159, 160, 190

Ширак, Жак 139, 140, 142, 190

Шоу Джона Стюарта 9, 119, 148, 188

Э

Эффект бабочки 123

Эшкрофт, Джон 121

А

Ad Homonym, аргумент 72

Argumentum ad baculum (аргумент
силы, или палки) 12

Argumentum ad ignorantiam
(аргумент к незнанию) 25,
26, 28

Argumentum ad odium (апелляция к
ненависти) 24

Argumentum ad populum (аргумент

к народу, или апелляция к
большинству) 57

Argumentum ad verecundiam (апелляция
к авторитету) 91, 92, 93, 180

С

Cum hoc ergo propter hoc (Вместе с
этим — значит вследствие
этого) 107, 180

Д

Deus est auriga meus («Господь —
мой кормчий») 83, 87

Deus est auriga meus («Господь —
наш кормчий») 83, 87

И

Ignoratio elenchi (Подмена тезиса)
20, 21

Р

Post hoc ergo propter hoc (После
этого — значит вследствие
этого) 110, 118

Q

Qui dicit? (Кто это говорит?) 101, 102

Quod erat demonstrandum (Что и
требовалось доказать) 171

Каткарт Томас, Клейн Дэн

АРИСТОТЕЛЬ И МУРАВЬЕД ЕДУТ В ВАШИНГТОН

Понимание политики через философию и шутки

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректор *М. Миловидова*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Дизайнер обложки *О. Галкин*

Подписано в печать 15.05.2012. Формат 84 × 108/32 (модиф.)

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Объем 6,5 печ. л. Тираж 5000 экз. Заказ № .

Альпина нон-фикшн

123060, г. Москва,

ул. Расплетина, д. 19, офис 2

Тел. (495) 980-5354

www.nonfiction.ru